

Н.И. ВИНОКУРОВ, Л.Ю. ПОНОМАРЕВ
N.I. VINOKUROV, L.IU. PONOMAREV

**ЦЕНТРАЛЬНЫЙ УЧАСТОК САЛТОВО-МАЯЦКОГО
ПОСЕЛЕНИЯ НА ГОРОДИЩЕ АРТЕЗИАН
(по итогам исследований на раскопе III в 2002–2010 гг.)
CENTRAL SITE SALTOVO-MAYAK SETTLEMENT ON THE
FORTIFIED SETTLEMENT ARTESIAN
(According to the research in excavation III, 2002–2010)**

В середине – второй половине VIII в. на территории античного городища Артезиан¹ разместилось салтово-маяцкое поселение, культурный слой которого выявлен на всех исследованных участках – раскопах I–IV, площадь которых к настоящему времени составила более 6600 кв. м (рис. 1) [Винокуров, 2007, рис. 4; 5; Винокуров, 2014, рис. 4]. Наиболее полно изучена центральная его часть, где были заложены раскопы I и III общей площадью 4285 кв. м². В их пределах обнаружены многочисленные жилищные и хозяйственные комплексы – полуземлянки, наземные и заглубленные каменные постройки, загоны для скота, хозяйственные ямы, вымостки и очаги, а также культовые комплексы и одиночные погребения [Винокуров, 2004а, с. 63–77; Винокуров, 2011а, с. 56–63; Винокуров, Пономарев, 2015б, с. 18–22; Винокуров, Пономарев, 2015в, с. 46–53]. Раскоп III, изучению салтово-маяцких комплексов которого посвящена публикация, примыкает с юга к раскопу I. Работы на нем ведутся с 2002 г., а площадь составляет 1565 кв. м (рис. 1)³.

Стратиграфия прослеженных в пределах раскопа верхних напластований выгля-

¹ Античное городище Артезиан (первая половина IV в. до н. э. – начало IV в. н. э.) открыто В. Г. Зубаревым в процессе разведок, проводившихся Восточно-Крымской археологической экспедицией ИА АН СССР под руководством А. А. Масленникова в 1986 г. [Зубарев, Масленников, 1987, с. 49]. С 1988 г. и по настоящее время оно исследуется Артезианской археологической экспедицией (до 1994 г. Артезианский отряд ВКАЭ ИА АН СССР/РАН). Городище площадью около 7 га расположено в северной части Керченского полуострова, в 2,5 км к северо-западу от с. Чистополье и в 4,5 км к востоку от побережья Азовского моря [Винокуров, 2014, рис. 1]. Оно занимает мыс в центральной части урочища Артезиан, образованный глубокими балками, ограничивающими его с запада, юга и севера. В южной балке, по которой в древности протекала река, находятся действующие артезианские источники [Винокуров, 1998, с. 56].

² Площадь раскопа I соответственно составляет 2720 кв. м. Раскоп II площадью 1900 кв. м находится в юго-западной части городища. Выявленным в его пределах салтово-маяцким комплексам посвящена отдельная публикация [Винокуров, Пономарев, 2015а, с. 160–195]. Раскоп IV, заложенный в 2010 г. в северо-западной части городища, имел разведочный характер. Площадь его составила около 30 кв. м.

³ Среди подъемного материала, собранного на участке, занимаемом раскопом III, находок, относящихся к периоду существования салтово-маяцкого поселения, оказалось не так уж много. Среди них преобладали стенки причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков. Отметим также профильные фрагменты ойнохой скалистинского типа (рис. 2,1,2) и салтово-маяцкий бронзовый перстень с плоским орнаментированным щитком (рис. 2,3).

Боспорские исследования, вып. XXXIII

дит следующим образом. Поверх слоя разрушения античного городища, образование которого, видимо, связано с сильным землетрясением, произошедшим в середине – второй половине III в. н. э., выявлены плохо сохранившиеся остатки построек конца III – IV вв. н. э. [Винокуров, 2015, с. 67–72]. Они, в свою очередь, были перекрыты золистым слоем запустения античного городища мощностью 0,12–0,30 м. Как и слой разрушения, он нарушен более поздними перекопами, для которых являлись находки раннесредневековой керамики, в том числе, причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 2,11-16) и салтово-маяцких кухонных горшков, часть которых орнаментирована по тулову зональным волнистым рифлением, а по венчику – вдавлениями и насечками (рис. 2,17-18) [Винокуров, 2004б, с. 69–70, прим. 11]. Из других находок особого внимания заслуживает глиняное дисковидное изделие, на одной из сторон которого техникой контррельефа оттиснуто изображение, напоминающее четырехлепестковый крест (рис. 2,19,20). По цвету и структуре формовочной массы оно ничем не отличается от салтово-маяцких горшков. К сожалению, определить его функциональное назначение не удалось, как, впрочем, и сферу его использования – бытовую или сакральную. В качестве рабочей гипотезы можно лишь предположить, что предназначалось оно для нанесения рельефных оттисков.

Выше слоя запустения залегал поддерновый горизонт мощностью 0,05–0,20 м, сформированный слоем гумусированого темно-коричневого суглинка, соответствующего периоду функционирования на территории городища салтово-маяцкого поселения. Этот слой насыщен различными включениями, в том числе костями животных, створками раковин мидий, раковинами виноградных улиток, бутовым камнем и щебнем, отходами металлургического производства (окалины и шлак), а также обломками разновременной, преимущественно античной керамики. Ко времени его формирования относятся немногочисленные фрагменты причерноморских амфор с мелким зональным и бороздчатым рифлением (рис. 2,4-7), высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, ойнохой скалистинского типа (рис. 2,10) и салтово-маяцких горшков (рис. 2,8,9). Поверхность гумусированого темно-коричневого суглинка прослеживается с трудом, поскольку на глубине 0,05–0,15 м от современной дневной поверхности он переходил в гумусный (дерновый) слой, мало чем отличающийся от него по структуре и цветовой гамме.

Для жилой и хозяйственной застройки в пределах этого участка салтово-маяцкого поселения наиболее удобным оказался юго-западный склон возвышенности, где на тот момент еще сохранились античные террасы [Винокуров, 2012, рис. 1] и который гораздо меньше продувался господствующими в осенне-зимний период северо-восточными ветрами. Именно здесь и располагались обнаруженные в пределах раскопа жилые и хозяйственные комплексы, в том числе котлован полуземлянки, каменные фундаменты двухкамерной постройки и фрагменты каменных фундаментов еще двух построек (рис. 3; 4).

Одновременно, на этом же участке жители поселения осуществляли выборку

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок ...

камня из стен разрушенных античных построек. Пригодный к дальнейшему использованию строительный материал обрабатывался на месте, в выкопанных в процессе его добычи котлованах и траншеях. В результате их борта и дно оказались перекрыты прослойками известняковой крошки. По мере формирования культурного слоя салтово-маяцкого поселения они заполнялись гумусированным темно-коричневым суглинком и бытовым мусором, среди которого преобладали кости животных и фрагментированная керамика из переотложенных слоев античного времени. Находок, датируемых второй половиной VIII – первой половиной X вв., в их засыпи оказалось гораздо меньше. Наиболее обширный котлован перекопа выявлен в западной части раскопа, где осуществлялась разборка стен юго-западной башни цитадели античного городища (рис. 3; 9). Остальные перекопы, гораздо меньших размеров, были бессистемно разбросаны по всей его площади.

Свою особенность имеет и северо-восточный участок раскопа, поскольку исследованные в его пределах салтово-маяцкие комплексы, включая одиночное погребение женщины, захоронение в яме теленка (коровы) и совместное захоронение в античном колодце собак и людей, носили ритуальный характер (рис. 3; 10–13). Все они, по-видимому, входили в состав «южного» культового комплекса, часть объектов которого была открыта в южной части раскопа I [Винокуров, 2004а, с. 64–70, рис. 7; 9; 10].

Таким образом, в зависимости от расположения исследованные в раскопе III салтово-маяцкие комплексы можно условно разделить на два участка – западный и северо-восточный.

В западной части раскопа обнаружены котлован полуземлянки с совершенным в нем захоронением женщины, остатки двухкамерного наземного дома на каменном фундаменте, фрагменты четырех каменных кладок еще двух практически полностью разобранных построек, несколько хозяйственных ям и обширный котлован перекопа, посредством которого осуществлялась добыча камня из стен башни античной цитадели.

Большая часть исследованных объектов имела очень плохую сохранность, при этом стены наземных каменных сооружений были практически полностью разобраны, а полы помещений и «жилые» горизонты вокруг построек оказались уничтоженными прорезавшими их траншеями и котлованами более поздних перекопов⁴.

⁴ В эпоху позднего средневековья территория городища вновь была заселена, на что указывают находки керамики, датирующиеся не ранее XV–XVI вв. Представлены они обломками поливной монохромной посуды, красноглиняных плоскодонных кувшинов и горшка с рельсовидным венчиком. К этому же или более позднему периоду относятся круглая латунная пуговица (нашивка) и три курительные трубки. Впрочем, на исследованных участках городища культурного слоя и строительных комплексов этого времени обнаружить пока не удалось. Вероятно, позднесредневековое поселение занимало не всю его территорию, а располагалось в северной части мыса, где впоследствии находилась дер. Паша-Салын (Паша-Салы, Урус-Паша, Сердюково), указывавшаяся на топографических картах с начала XIX в. [Ковыркин, Санжаровец, 2014, с. 493].

К числу наиболее ранних строительных комплексов, по всей видимости, относится полуземлянка, котлован которой был прослежен в северо-западном углу раскопа (рис. 4). Исследована пока только ее юго-восточная часть размерами 5,10×5,20 м, а северо-западная часть оказалась за пределами раскопа. Котлован полуземлянки глубиной от 0,80 м до 1,30 м был целиком выкопан в культурных отложениях античного периода, значительно уступающих по своей плотности материковому суглинку. В результате ее борта со временем оплыли, и она утратила свои изначальные очертания. Тем не менее есть все основания полагать, что в плане она имела округлую форму [Винокуров, 2011, с. 58].

В верхней части на глубину от 0,30 до 0,70 м котлован был заполнен плотным грунтом, представлявшим собой затечный слой гумуса. Находки из него представлены античными амфорами, лепными и краснолаковыми сосудами, амфорами причерноморского типа, высокогорлыми кувшинами с плоской ручкой и салтово-маяцкими горшками, часть которых украшена горизонтальным и волнистым рифлением. В придонной его части прослежен рыхлый слой суглинка темно-коричневого (коричнево-черного) оттенка мощностью 0,30–0,50 м, содержащий большое количество известнякового щебня. Среди находок из этого слоя преобладают фрагменты античной керамики, преимущественно первых веков нашей эры. Малочисленные фрагменты раннесредневековой керамики представлены в основном обломками причерноморских амфор с бороздчатым рифлением (рис. 5,1–7), ойнохой скалистинского типа (рис. 5,8) и салтово-маяцких кухонных горшков (рис. 5,12,13). Здесь же был найден обломок днища котла с внутренними ручками-ушками (рис. 5,11). До этого на Керченском полуострове их профильные фрагменты, преимущественно ручки, были найдены в городских слоях Боспора и на салтово-маяцких поселениях Героевка-3, Героевка-2, Пташкино, Осовины-I, Эльтиген Юго-Западное, Челядиново-Восточное и Азовское [Пономарев, Пономарева, 2010, с. 456–457, рис. 2; Пономарев, 2012а, с. 483, рис. 4, 1; Сазанов, 1998, с. 61, рис. IV, 39]. К сожалению, практически весь комплекс раннесредневековой керамики из придонной части котлована имеет широкие рамки бытования, в связи с чем особенно важной представляется находка профильных фрагментов высокогорлых кувшинов с широкой плоской ручкой (рис. 5,9,10). Именно они позволяют датировать заполнение котлована не ранее второй половины IX в. [Чхаидзе, 2008, с. 400; Науменко, 2009а, с. 54–57].

Нижнюю хронологическую границу комплекса, впрочем, как и его функциональное назначение, установить не удалось, поскольку материалов, относящихся к периоду его функционирования, обнаружено не было. Отметим лишь, что в последнее время полуземлянки перестали рассматриваться как наиболее архаичный тип построек салтово-маяцких поселений Крыма. По справедливому замечанию Ю.М. Могаричева, они могли использоваться на начальном этапе их существования, а также в «период обустройства на новом месте, вне зависимости от времени основания» [Могаричев, 2004, с. 175, прим. 8]. Этой же точки зрения придерживается В.В. Майко, по мнению которого переход от строительства полуземлянок к наземным каменным постройкам

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок ...

следует рассматривать как индивидуальный для каждого поселения и растянутый во времени процесс [Майко, 2009, с. 266; Майко, 2010, с. 428–429]. Примерно такая же ситуация прослежена и на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова. Несмотря на то, что большая часть обнаруженных здесь полуземлянок была заброшена к первой половине – середине IX в., к практике их использования, видимо, обращались на протяжении всего периода их существования [Пономарев, 2012б, с. 67–72].

Помимо времени функционирования рассматриваемой полуземлянки, к числу спорных вопросов относится и ее функциональное назначение. Учитывая плохую сохранность котлована, можно лишь полагать, что она не использовалась в качестве жилища, поскольку имела слишком большие размеры и в ней отсутствовали отопительные устройства и другие хозяйственно-бытовые приспособления – печи, очаги, ямы, лежанки, ниши, полки [ср: Красильникова, 2001, с. 325]⁵. Подобного рода неотапливаемые сооружения с полезной площадью более 25 кв. м предназначались, скорее, для хозяйственных нужд, хотя каких именно, учитывая сохранность комплекса, выяснить уже вряд ли удастся [ср.: Колода, Горбаненко, 2010, с. 72–73].

После того как полуземлянка была заброшена, спустя короткий промежуток времени в придонной части ее уже частично засыпанного котлована было совершено захоронение женщины (погребение 14) [Винокуров, 2011а, с. 58–60]. Могильная яма овальной в плане формы размерами 1,51×0,61–0,62 м и глубиной не менее 0,45 м прослежена на уровне придонной части котлована по пятну тлена темно-коричневого (почти черного) оттенка мощностью 1–3 мм. Скелет женщины по всей длине был обложен (возможно, частично придавлен) мелкими и крупными бутовыми камнями. Среди камней обнаружены известняковое корыто (поилка) для животных размерами 0,40×0,32×0,12–0,13 м и фрагмент подобной поилки шириной 0,38 м (рис. 6, 7). Каменная насыпь имела в плане форму неправильного овала, вытянутого в направлении ЮВ–СЗ (рис. 4)⁶.

Женщина в возрасте около 35 лет, была уложена на спине с небольшим разворотом на правый бок головой на запад (рис. 6,1). Череп немного запрокинут назад и повернут на северо-запад, лицевой частью на юг. Левая рука вытянута вдоль туловища и немного согнута в локтевом составе, кистью на тазовых костях. Предплечье правой руки отставлено от туловища под углом 45 градусов, при этом рука сильно согнута в локтевом суставе и упирается запястьем в правый бок туловища. Кости кисти неестественно вывернуты. Нижние конечности согнуты в коленях и развер-

⁵ Размеры жилых полуземлянок, открытых на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова, варьировались от 3,0×3,0 м – 3,20×3,0 м до 4,0×2,80 м – 4,80×3,10 м. Все они были оборудованы отопительными устройствами – печами-каменками или очагами, сооруженными как по центру помещения, так и у стен котлована и в его углах [Пономарев, 2012б, с. 67–70].

⁶ Каменные обкладки и развалы небольших камней обнаружены также в грунтовых погребениях на салтово-маяцких могильниках Эльтиген-1, поселения Героевка-2 и Осовины-1 [Пономарев, 2004, с. 452–454, рис. 14–19; Пономарев, 2011, с. 289, рис. 2; Зинько, Пономарев, 2007, с. 193, рис. 9].

нуты на юг. На среднем пальце правой руки погребенной обнаружено обычное для салтовских захоронений бронзовое кольцо с плоским трапециевидным щитком, на котором выгравировано изображение солярного символа в виде многолучевой звезды (рис. 6,3,4) [Винокуров, 2011а, с. 58–60, рис. 2]. В заполнении могилы, помимо обломков керамики античного времени, найдены венчики ойнохой скалистинского типа, стенки и профильные части горловин и ручек причерноморских бороздчатых амфор (рис. 6,2,5,6), а также обломки стенок высокогорлых кувшинов с плоской ручкой, позволяющие датировать захоронение не ранее второй половины IX в.

На данный момент в пределах изученной территории поселения выявлено уже четыре одиночных погребения в грунтовых ямах, из них два на раскопе III [Винокуров, 2004а, с. 63–64; Винокуров, 2011а, с. 56–63, рис. 1–3]. Некоторые из них, возможно, связаны с расположенными поблизости культовыми комплексами. На Керченском полуострове подобного рода одиночные грунтовые захоронения были обнаружены также на поселениях Осовины-I и Героевка-6 [Зинько, Пономарев, 2007, с. 192–194, рис. 9; Зинько, Пономарев, 2008, с. 426, рис. 9; 10]. За пределами Крыма погребения, совершенные на территории поселений, в том числе в жилых, хозяйственных и производственных постройках, раскопаны на Саркельском, Сидоровском, Верхнесалтовском, Мохначанском городищах, Дмитриевском и Маяцком поселениях, а также некоторых других поселениях степного и лесостепного ареалов салтово-маяцкой культуры. Однако, поскольку эти погребения будут рассмотрены в отдельной публикации, подробно анализировать причины, по которым они совершались на территории «живых», мы не будем. Отметим лишь, что в основной своей массе, захоронения, выявленные на территории салтово-маяцких поселений (в том числе в заброшенных жилищах и производственных комплексах), имели, по-видимому, ритуальный характер и совершались в силу различных, но иногда тесно связанных между собой причин культурно-религиозного, политического, социально-экономического и общественного характера [Плетнева, 1989, с. 67; Плетнева, Красильников, 1990, с. 106; Винников, Афанасьев, 1991, с. 137–138; Албегова, Гусаков, 2001, с. 127; Колода, 2011, с. 269–270; Колода, 2012–2013, с. 111–112]. К тому же, как справедливо отметил В. В. Колода, проблема их изучения находится «на стадии накопления материала и индивидуального анализа» и как отдельная научная тема пока еще глубоко и всесторонне не разрабатывалась [Колода, 2011, с. 269; Колода, 2012–2013, с. 110].

Примерно в одно и то же время, когда в заброшенной и уже частично засыпанной полуземлянке было совершено захоронение, к югу от нее был возведен двухкамерный, прямоугольный в плане дом, вытянутый по длинной оси в направлении север-юг (рис. 3; 4; 7,4,7). На Керченском полуострове такие жилища раскопаны на салтово-маяцких поселениях Героевка-2, Героевка-3, Героевка-6, Эльтиген-«Памятник», Алексеевка, Осовины-I, Илурат и Мирмекий. Большая часть из них ориентирована в направлении СВ–ЮЗ и СЗ–ЮВ и только двухкамерный дом на поселении Героевка-6, был ориентирован в направлении север-юг [Зинько, Пономарев, 2008, с. 428, рис. 8, 1]. Размеры их помещений варьируются

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок ...

в пределах от 4,0×2,60 м – 3,90×4,60 м до 5,0×3,0 м – 2,80×3,20 м, при этом одно из них было жилым, другое хозяйственным. В жилой части дома, как правило, помещении меньших размеров, сооружали печь-каменку, чаще всего пристроенную к его северо-западному углу. Иногда ее заменял открытый очаг, а в некоторых случаях они функционировали вместе. В хозяйственных помещениях отопительные устройства чаще всего отсутствовали, но если зимой в них размещали скот, их могли обогревать открытым очагом. Здесь же, если такое помещение использовалось в качестве амбара, обустраивали хозяйственные ямы, предназначавшиеся, видимо, для хранения посевного зерна [Пономарев, 2012в, с. 199–201, рис. 6; Пономарев, 2013, с. 440–461].

Необычная ориентация двухкамерной постройки, раскопанной на городище Артезиан, видимо, была обусловлена направлением остатков кладки контрфорса юго-западной башни античной цитадели, к которым она была пристроена. Восточная – уцелевшая ее часть – позволяет реконструировать внешние размеры постройки в направлении север–юг в пределах 6,65 м. Западная часть постройки, за исключением восточного участка протяженностью 1,10–1,92 м, не сохранилась, вероятно, обвалившись вниз по склону возвышенности.

Восточная стена здания – кладка 87 уцелела по всей длине, составившей 6,50 м⁷. С запада под прямым углом к ней пристроены южная стена – кладка 87.1 и северная стена – кладка 87.3. Толщина кладок варьируется в пределах 0,63–0,85 м. Сохранились они на высоту одного–трех рядов камней до 0,10–0,40 м. Сложены стены из мелкого и среднего бутового камня на суглинистом растворе двухлицевой двухслойной кладкой, на отдельных участках «в елочку» (кладка *opus spicatum*), при этом камни нижнего ряда, установленные на ребро под углом 45 градусов, имели уклон к северу, камни второго ряда – к югу, камни третьего, сохранившегося ряда, опять к северу. Горизонтальные ряды камней более-менее выдержаны. Нижний ряд кладок сложен в перевязь, верхние ряды – в стык (рис. 7,5–7) [Винокуров, Пономарев, 2015г, рис. 5, 5–12].

К восточной стене примыкала еще одна, параллельная северной и южной стенам – кладка 87.2, толщиной 0,53 м, которая разделяла постройку на два помещения. Соответственно, длина северного помещения составляла 1,96 м, южного помещения – 2,82 м. Размеры помещений, собственно как и самой постройки, в направлении запад–восток остались неизвестными, поскольку полностью разрушенными оказались не только размещавшиеся внутри них хозяйственно-бытовые устройства, но и полы.

Отсутствие полов и связанного с ними «жилого» горизонта привело к тому, что ни одной находки, которую можно было бы отнести ко времени функционирования дома, обнаружить не удалось. Не оказалось датирующего материала и в слое,

⁷ Следует отметить, что два верхних ряда в стене 87 были смещены в западном направлении, по отношению к нижнему ряду, на 0,12–0,18 м. Но это не следы перестройки здания, а обычная горизонтальная деформация каменной конструкции, к которой, скорее всего, привело близкое расположение постройки к склону, а также возможные сейсмические подвижки культурных напластований.

перекрывшем остатки его разрушенных стен, поскольку при их расчистке, помимо античной керамики, был обнаружен только один профильный фрагмент причерноморской амфоры с бороздчатым рифлением.

Таким образом, полученный при раскопках двухкамерного дома археологический материал не позволил определить нижнюю и верхнюю дату его функционирования. Тем не менее есть веские основания отнести его ко второму – более позднему хронологическому периоду. Во-первых, аналогичные по конструкции постройки – так называемые «дома-пятистенки» хорошо известны по раскопкам раннесредневековых поселений Крыма и в большинстве своем были сооружены в IX в. При этом обнаруженный на их полах археологический материал, как правило, датируется не ранее второй половины этого столетия [Баранов, 1990, с. 50; 52; Айбабин, 1999, с. 202; Майко, 2004, с. 118; Пономарев, 2013, с. 448]. Во-вторых, на участке, где был возведен дом, располагался более ранний комплекс – хозяйственная яма 287, обнаруженная в северном помещении ниже уровня фундаментов его стен (рис. 3; 5,14). На момент возведения постройки она уже была заброшена и заполнена грунтом и бутовыми камнями, а в процессе нивелировки площадки под двухкамерный дом ее верхняя часть была срезана. В плане яма имела округлую форму, в разрезе трапециевидную. Нижняя ее часть выкопана в материковом суглинке, верхняя – в золистом слое запустения античного городища. Размеры ямы на верхнем – сохранившемся уровне – 0,92×1,08 м, на уровне дна – 1,64×1,68 м. Глубина составляла не менее 1,14–1,32 м. Яма была заполнена золистым грунтом средней плотности с включениями бутовых камней, древесного угля, небольшого количества костей домашних животных, раковин виноградных улиток, обломков античной и раннесредневековой керамики, в том числе причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 5,15,16), ойнохой скалистинского типа (рис. 5,17,18) и салтово-маяцких горшков (рис. 5,19,20). На ее дне найдена раздавленная причерноморская амфора с бороздчатым рифлением на тулове высотой 46,5 см. (рис. 5,21). Учитывая широкие рамки их бытования [Науменко, 2009б, с. 44–47], она не может служить надежным хронологическим репером, но, принимая во внимание стратиграфическую ситуацию на этом участке раскопа, есть все основания полагать, что хозяйственная яма 287 могла функционировать одновременно с полуземлянкой, которая находилась примерно в 1,5 м к северу от нее.

Помимо двухкамерного дома в северо-западной части раскопа, в 2,10–3,20 м к востоку и юго-востоку от полуземлянки и в 2,10 м к северо-востоку от двухкамерного дома, были обнаружены остатки еще двух разновременных, частично перекрывающих друг друга, заглубленных построек (рис. 4).

От более ранней постройки уцелели обрывки фундаментов восточной и западной стен – кладок 84 и 85, сохранившихся на высоту одного ряда камней. Кладка 84 ориентирована по линии север–юг, кладка 85 по линии ССЗ–ЮЮВ. Длина сохранившихся участков стен 85 и 84 – 2,10 м и 1,21 м, толщина – 0,38–0,39 м и 0,35 м, высота – 0,18 м и 0,21–0,24 м. Кладка стен однолицевая постелистая.

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок ...

Разнокалиберные, преимущественно необработанные камни уложены логом и тычком на суглинистом растворе (рис. 7,3). Расстояние между стенами составляло 1,51 м. Пространство между ними было заполнено темно-коричневым суглинком с мелким известняковым щебнем и обломками разновременной керамики, в том числе причерноморских амфор и салтово-маяцких горшков. К сожалению, плохая сохранность стен не позволяет реконструировать планировку постройки и тем более определить ее функциональное назначение. Однако, во всяком случае учитывая небольшое расстояние между уцелевшими стенами, она вряд ли могла использоваться как жилой дом.

Более поздняя, возведенная на этом же участке, постройка частично перекрыла своим юго-восточным углом, образованным южной стеной 82 и восточной стеной 83, стену 84 ранней постройки. При этом между ними успела сформироваться прослойка сырцового развала мощностью 0,10–0,25 м, который, видимо, представлял собой остатки разрушенных сырцовых участков стен ранней постройки. Кладки 82 и 83 пристроены друг к другу под прямым углом, в перевязь. Длина кладок 82 и 83 – 1,79 м и 1,30 м, толщина 0,32 м и 0,40–0,43 м. Сохранились они на высоту одного ряда камней до 0,38 м и 0,24–0,34 м. Кладка однолицевая, постелистая, сложена из разнокалиберных, преимущественно необработанных камней на суглинистом растворе (рис. 7,1,2). По всей видимости, постройка имела в плане прямоугольную форму и была ориентирована в направлении ССВ–ЮЮЗ.

К сожалению, при расчистке стен обеих построек датирующих находок обнаружено не было. Можно лишь предполагать, что возведены они были не ранее середины IX в. и, таким образом, относились ко второму хронологическому периоду, но разным его строительным этапам. Подобного рода «наслоившиеся» друг на друга строительные комплексы уже фиксировались на салтово-маяцких поселениях Керченского полуострова [Гайдукевич, 1952, рис. 122, 123; Зинько, Пономарев, 2005, с. 242]. Однако выделить соответствующие им «жилые» горизонты и установить их хронологические рамки также не удалось.

Помимо строительных комплексов в юго-западном углу раскопа III было обнаружено еще несколько хозяйственных ям.

Одна из них раскопана в 2,70 м к юго-западу от двухкамерного дома. В плане она имела округлую форму и, возможно, предназначалась для установки в нее нижней части пифоса. Ее диаметр составлял 0,45 м, глубина – 0,40 м. Заполнена она была рыхлым обугленным грунтом серо-черного оттенка, насыщенным мелкими костями птиц, обломками античной и раннесредневековой керамики. В яме найдены верхняя часть красноглиняного пифоса, несколько ручек античных амфор, обломки лепных горшков, венчик краснолакового кувшина, верхняя часть и дно ойнохой скалистинского типа.

Еще две ямы – 296 и 296.2 исследованы в 4 м к юго-западу от двухкамерного дома (рис. 3). Горловины и борта ям обвалились и сильно разрушены, поскольку были выкопаны в золистом слое запустения античного городища. Первоначальную

их форму установить не удалось. По мере обрушения на месте ям образовался овальный в плане котлован размерами 2,80×2,24 м и глубиной до 1,63 м. Он был заполнен рыхлым грунтом серого оттенка, при расчистке которого обнаружены обломки античной керамики, причерноморских амфор с бороздчатым и мелким зональным рифлением (рис. 8,1-6), ойнохой скалистинского типа, салтово-маяцких горшков (рис. 8,7-15,17,18) и фрагмент глиняного пряслица (рис. 8,16).

По всей видимости, все хозяйственные ямы, собственно как и две фрагментарно сохранившиеся постройки, были взаимосвязаны с двухкамерной постройкой и составляли с ней единый жилищно-хозяйственный комплекс – усадьбу, появление которых на салтово-маяцких поселениях Крыма относят к IX в. или второй половине этого же столетия [Баранов, 1981, с. 69–70; Баранов, 1990, с. 52–53; Айбабин, 1999, с. 202]. На Керченском полуострове близкий ему по структуре жилищно-хозяйственный комплекс исследован на поселении Героевка-2. Он состоял из дома-пятистенки и двух разновременных, сооруженных на месте друг друга хозяйственных построек. Со всех сторон их окружало огороженное подворье, на территории которого был отсыпан небольшой зольник и устроено несколько хозяйственных ям [Зинько, 1997, с. 122, рис. 70; 71; Зинько, Пономарев, 2005, с. 241–244, рис. 11; 15].

С добычей строительного материала для построек усадьбы на раскопе III может быть связан котлован перекопа, обнаруженный в 6 м к востоку от двухкамерного дома (рис. 3; 9). Образовался он в процессе выборки стен юго-западной башни цитадели античного городища [Винокуров, 2004б, с. 62; Винокуров, 2005, с. 53]. В плане котлован имел форму, приближенную к овалу. Площадь его составила более 200 кв. м, глубина достигала 1,12–2,10 м. Выбросы из котлована над башней, а также из траншей выборок западной и южной крепостных стен, отходивших от котлована на север и восток, образовали валообразную насыпь переотложенного культурного слоя, имевшую довольно крутые склоны, направленные в южную и юго-западную стороны – к южной балке урочища Артезиан. Перекоп заполнял темно-коричневый суглинок с включением большого количества щебня, костей животных и керамики, преимущественно I–III вв. н. э. Помимо керамики из переотложенных античных слоев, в заполнение котлована попали фрагменты причерноморских амфор (рис. 8,19-24) и ойнохой скалистинского типа. К сожалению, установить, как долго функционировала эта своеобразная «каменоломня», на имеющемся материале не представляется возможным. По крайней мере, каких-либо построек в непосредственной близости от котлована так и не возвели.

Не было зафиксировано следов застройки и в восточной части раскопа, но в северо-восточном его углу были обнаружены ритуальные захоронения людей и животных, возможно, связанные с «южным» культовым комплексом в раскопе I.

В одном из них – погребении 16 было совершено захоронение молодой женщины. Погребение обнаружено в северо-восточном углу раскопа III при стыковке с раскопом I (рис. 10). Оно располагалось в 2,12 м южнее каменного «колодца» с захоронением подростка вместе с черепом и костями быка, входившем в «южный»

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок ...

культовый комплекс [Винокуров, 2004а, с. 64–70, рис. 9; 10; Винокуров, Сон, 2011, с. 66; Винокуров, 2011а, с. 62–63, рис. 3].

Контуры могильной ямы удалось зафиксировать только ближе ко дну, так как участок, где она располагалась, существенно поврежден более поздними перекопами. Тем не менее удалось установить, что она была впущена с уровня «жилого» горизонта салтово-маяцкого поселения, при этом тело погребенной было уложено на уже частично разрушенную кладку позднеантичной постройки.

Размеры овально-вытянутой в плане могильной ямы составляли 1,54×0,56–0,60 м, глубина варьировалась в пределах 0,44–0,50 м. У южного борта могильной ямы выявлено пятно горелого грунта размерами 0,29×0,56×0,14 м с прослойками черной жирной сажи (от сожжения какой-то органики?), золы и мелких древесных угольков. Находилось оно на 0,44–0,46 м выше дна могилы, фиксируя уровень поверхности, с которого было совершено захоронение. Возможно, сожжение было связано с погребальной церемонией, которая проводилась после совершения захоронения.

Погребенная в могиле 16 женщина была уложена на спину, в вытянутом положении, головой на ЗСЗ (рис. 11). Ее череп был немного запрокинут назад и повернут лицевой частью на ЮЮЗ. Левая рука согнута в локтевом суставе под прямым углом, кистью с правой стороны туловища на нижних ребрах грудной клетки. Правая рука сильно согнута в локтевом суставе и поднята к голове, кистью на правой стороне груди, ниже ключицы. Положение нижних конечностей выяснить не удалось, так как их кости были смещены и частично выбраны позднейшим перекопом.

На нижней челюсти с правой стороны обнаружена прижизненная травма, нанесенная предметом с узким режущим краем (острием лезвия или наконечником стрелы?). Удар был достаточно сильным, нанесен справа, немного снизу, но, по-видимому, на излете. В результате ранения из челюсти был выбит один из резцов, а на кости остался заметный след от проникшего сквозь мышечную ткань лезвия или наконечника. Однако следов заживления или изменившего структуру костной ткани длительного воспалительного процесса на челюсти выявлено не было.

Под головой женщины, зафиксирована прослойка золистого темно-серого грунта толщиной до 0,08 м, ниже которой было уложено несколько небольших уплощенных бутовых камней. В золистом слое среди камней этого своеобразного «изголовья», на уровне дна могилы, были обнаружены несколько практически полностью разложившихся матовых стеклянных бусин, покрытых патиной песочно-желтого оттенка.

Отсутствие каких-либо датирующих находок в могиле, а также внятного стратиграфического контекста на прилегающем участке раскопа не позволили определиться с узкими хронологическими рамками погребения.

Второй, обнаруженный в северо-восточном углу раскопа III ритуальный объект представлял собой яму с захоронением теленка или комолой коровы, раскопанную в 12,85 м к юго-западу от погребения 16 [Винокуров, 2011а, с. 61–62]. Контуры ямы удалось зафиксировать только ближе ко дну, так как участок, где она располагалась, был существенно поврежден более поздними перекопами. Тем не менее удалось

Боспорские исследования, вып. XXXIII

установить, что она была впущена с уровня «жилого» горизонта второй половины VIII – первой половины X вв. В плане яма имела форму, приближенную к овалу (рис. 12,1). Размеры ее составляли – 1,08×0,91–0,97 м, глубина – 0,37–0,52 м. В разрезе она имела неправильную трапецевидную форму, а ровное дно – небольшой уклон к югу. Яма была заполнена плотным глинистым грунтом серо-коричневого оттенка с мелким известняковым щебнем и крошкой, а также немногочисленными фрагментами стенок и профильных частей керамики первых веков нашей эры.

К сожалению, сохранность скелета теленка (коровы), благодаря которому и стало возможным причислить яму к числу культовых объектов, оказалась очень плохой. Большая часть его костей была смещена или раздавлена и к тому же перемешана с мелким бутовым камнем. Тем не менее отдельные кости указывают на то, что животное, вероятно, было уложено на левый бок, головой к ССВ (рис. 12,2).

Следы обрядов, при совершении которых в качестве жертвенного животного приносилась корова, бык и теленок (или части их расчлененных туш), зафиксированы на многих поселениях и могильниках салтово-маяцкой культуры, включая и Керченский полуостров [Флеров, 1971, с. 261–262, рис. 2; Артамонова, 1963, с. 185, 186, рис. 7; Белинский, Кулаков, 2013, с. 152, 162, рис. 7; Плетнева, 1996, с. 78; Ключников, 2009, с. 244–246; Колода, 2001, с. 129; Винников, Ковалевский, 2007, с. 54–55; Зинько, Пономарев, 2005, с. 245, рис. 19; Винокуров, 2004а, с. 67, рис. 9]. По-видимому, как и у многих других земледельческих народов, эти животные являлись символом благополучия, плодородия и производящих сил природы и, соответственно, могли быть связаны с земледельческими и животноводческими культами, «обеспечивавшими» в языческом сознании людей не только их благосостояние, но и само дальнейшее существование.

Третье, исследованное в северо-восточном углу раскопа III ритуальное захоронение было совершено в шахте заброшенного античного колодца 4 (рис. 3) [Винокуров, 2011б, с. 70, рис. 8]. Обнаружен он при зачистке придонной части обширного котлована, образовавшегося в результате выборки камня из античных построек. Котлован диаметром более 10–11 м и глубиной до 1,8 м находился примерно в центре цитадели античного городища и был окружен валообразными выбросами из траншей выборки ее крепостных стен и башен. Его заполнял темно-коричневый, почти черный гумусовый грунт, содержащий в большом количестве мелкий известняковый щебень, раковины виноградных улиток, кости животных, обломки стенок античной керамики, амфор причерноморского типа и салтово-маяцких горшков. Здесь же были найдены разрозненные человеческие кости, принадлежащие, по меньшей мере, двум или трем взрослым индивидуумам, в том числе фрагмент нижней челюсти, обломки черепа (правой теменной кости и задней части левой теменной кости) и четыре фрагмента правой лучевой и локтевых костей.

Колодец ориентирован по оси ССЗ–ЮЮВ. В плане и сечении он имел прямоугольную форму. Горловина шахты на несколько рядов кладки выбрана в древности. Размеры устьевой части на сохранившемся уровне: 2,10×1,30 м. Размеры dna

установить не удалось, поскольку колодец по техническим причинам был раскопан не полностью. Его исследованная глубина составила 4,5–6,0 м (12–14 рядов кладки)⁸. По этой же причине под вопросом остается и время сооружения колодца, хотя керамика, обнаруженная на уровне его горловины (в заполнении ямы под колодезную шахту), позволяет предварительно говорить о периоде не позднее I–III вв. н. э., возможно, даже I–II вв. н. э. В пользу этой даты указывают также особенности техники обработки и укладки камней его шахты, существенно отличавшиеся от кладки бортов «колодца» с ритуальным захоронением подростка и быка на раскопе I («южный» культовый комплекс), сооруженного, вероятно, не ранее второй половины VIII в.

Борта колодца 4 сложены из квадров и блоков, установленных логом и тычком однолицевой, однослойной, постелистой кладкой (рис. 13,2). Углы сложены в перевязь. Вяжущего раствора в кладке не зафиксировано, поскольку щели между камнями затекли глинистым, очень вязким и плотным черным грунтом, который просачивался вместе с дождевой водой, когда колодец уже был заброшен и засыпан.

В кладке бортов колодца использован рыхлый по структуре, но простой в обработке известняк-ракушечник светло-желтого и серого оттенков. Размеры камней варьируются от 0,56×0,52×0,38 м до 0,94×0,54×0,36 м – 0,80×0,44×0,39 м. Обращает на себя внимание наличие в некоторых из них технологических пазов для упора балок деревянных конструкций. На уровне 3 и 4 ряда камней кладки вырублена небольшая прямоугольная ниша размерами 0,28×0,14×0,12 м.

Горловина колодца с северной стороны, судя по всему, была намеренно заужена двумя квадратами, установленными под углом друг к другу и для устойчивости зафиксированными в месте сочленения вертикальной плитой-контрофорсом (рис. 13,1). С западной стороны, в верхнем сохранившемся ряду кладки, для уменьшения размеров шахты использовали три блока, уложенных таким образом, что на одну треть своей ширины они нависали над горловиной колодца. При этом камни верхнего ряда находились, несомненно, во вторичном использовании. На их поверхности остались следы подтесов под круглые и прямоугольные в сечении деревянные балки. Возможно, сужение горловины – результат позднейшей перестройки устьевой части колодца.

Шахта колодца от верхнего сохранившегося и до четырнадцатого ряда кладки была заполнена влажным глинистым грунтом коричнево-черного оттенка с большим количеством бутового камня, кусков серой глины и бытовым мусором, преимущественно керамикой античного времени. На уровне нижнего ряда найдены обломки горловин и стенки двух пифосов, венчики и стенки красноглиняных амфор II–III вв. н. э., амфор с воронкообразным горлом II–IV вв. н. э., узкогорлых амфор с профилированными ручками типов А-D по Д. Б. Шелову, позднесинопских амфор, а также

⁸ На раскопе III обнаружено еще три античных колодца, относившиеся к периоду функционирования поздней цитадели [Винокуров, 2011б, с. 52–70, рис. 1]. Они также имели прямоугольную форму, но были существенно меньше по размеру и их борта были облицованы не камнем, а деревянными плахами. К сожалению, полностью раскопать ни один из колодцев не удалось, так как ниже 4–7 м их шахты были выкопаны в неустойчивом песчано-глинистом грунте.

фрагменты столовой и кухонной посуды первых веков н. э. Находок, относящихся ко второй половине VIII – первой половине X вв., за исключением профиля плоского днища сероглиняного лощеного кувшина, не обнаружено. Этот фрагмент, очевидно, отмечает последний этап его засыпки.

Примерно с уровня 3–4 ряда кладки среди бутовых камней были обнаружены черепа и скелеты нескольких десятков собак (рис. 13, 2). При этом большая часть костей, как и черепа, не пострадали, сохранив первоначальное анатомическое сочленение в суставах. Но не один из скелетов полностью расчистить и зафиксировать не удалось, так как в процессе разложения мягких тканей кости проваливались между камнями, образуя аморфные и частично перекрывшие друг друга скопления, затекшие к тому же чрезвычайно вязким черным грунтом. По этой же причине недоступными для фиксации оказались останки нескольких человеческих индивидуумов, раздавленные черепа которых вместе с отдельными костями конечностей были найдены на уровне 5–6 рядов кладки у северной и южной стенки шахты колодца.

К сожалению, как уже указывалось выше, комплекс доследован не был, тем не менее уже и на этом этапе его расчистки есть все основания утверждать, что частично засыпанный колодец был использован для совместного ритуального захоронения людей и собак – обряда, широко практиковавшегося народами салтово-маяцкой культуры, в том числе и салтовским населением Керченского полуострова [Артамонова, 1963, с. 205–206, рис. 138; Квитковский, 2012, с. 26–28, рис. 2; 3; Марти, 1941, с. 32; Винокуров, 2004а, с. 70–72, рис. 12; 13]⁹. К сожалению, находок, относящихся к этому времени, в его заполнении было обнаружено немного. Поэтому датировать захоронение можно лишь в общих пределах – между второй половиной VIII – первой половиной X вв. При этом следует отметить, что сам колодец был возведен в первые века нашей эры.

Таким образом, все открытые в пределах раскопа культовые комплексы не имеют узких датировок. В отличие от них жилищные и хозяйственные комплексы можно разделить на два хронологических периода. К первому периоду, нижняя и верхняя дата которого предварительно может быть определена между второй половиной VIII – первой половиной IX вв., относятся хозяйственная яма 287 и нежилая полуземлянка в северо-западном углу раскопа. Соответственно, ко второму периоду, нижняя хронологическая граница которого условно варьируется в пределах второй половины IX в., относится жилищно-хозяйственный комплекс, возможно, обо-

⁹ В ритуальной практике многих древних народов собака рассматривалась не только в качестве приношения высшим силам или проводника в потусторонний мир, но и как составная часть культа плодородия, зерна и земли [Крижевская, 1990, с. 46; Рыбаков, 1994, с. 207; Чибиров, 1983, с. 100]. Особая роль в «кровавых» ритуалах и погребальных обрядах отводилась собакам и у народов салтово-маяцкой культуры [Флеров, 1995, с. 89; Белинский, Кулаков, 2013, с. 152, 162, рис. 7; Флеров, 1971, с. 261–262, рис. 2; Плетнева, 1996, с. 80–81, рис. 26, б; 31, а; Плетнева, 1989, с. 206, 243] во многом, видимо, и потому, что при жизни им доверялся целый ряд ответственных функций, в том числе по управлению и охране стада, а также охране жилища и человека [Плетнева, 2004, с. 67; Михеев, 1985, с. 28].

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок ...

собленная усадьба, включавшая в себя двухкамерный дом, две разновременные хозяйственные(?) постройки и группу хозяйственных ям.

Что же касается планировки исследованной части поселения, то, как и на других его раскопанных участках, следов плотной и регулярной застройки обнаружено не было. Более того, получается, что за весь период его существования на площади более 1500 кв. м, не считая полуземлянки, функционировал только один жилищно-хозяйственный комплекс. Прилегающая к нему с востока территория так и осталась незастроенной и использовалась для добычи камня и совершения ритуальных захоронений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь: ДАР, 1999. 352 с.
- Албегова З.Х., Гусаков М.Г.* Культурное назначение постройки 21 Маяцкого селища // Практика и теория археологических исследований / Труды отдела охранных раскопок ИА РАН / под ред. Н. В. Малиновской. М.: Институт археологии РАН, 2001. С. 122–131.
- Артамонова О.А.* Могильник Саркела – Белой Вежи / Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III // МИА. 1963. № 109. С. 9–215.
- Винников А.З., Афанасьев Г.Е.* Культурные комплексы Маяцкого селища (материалы раскопок Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции). Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1991. 192 с.
- Баранов И.А.* Некоторые итоги изучения тюрко-болгарских памятников Крыма // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща. Шумен, 1976. София, 1981. Т. 2. С. 57–71.
- Баранов И.А.* Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
- Белинский И.В., Кулаков А.А.* Средневековый слой поселения Октябрьское I // Хазарские древности: сб. научных статей / под ред. В.В. Ключникова, А.А. Кулакова. Аксай: Аксайский военно-исторический музей, 2013. С. 140–162.
- Винников А.З., Плетнева С.А.* На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1998. 216 с.
- Винников А.З., Ковалевский В.Н.* Могильник салтово-маяцкой культуры у с. Тихий Дон в Воронежской области // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2007. Т. 6. С. 51–64.
- Винокуров Н.И.* Работы в Ленинском районе // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: Сб. науч. ст. / под ред. В.А. Кутайсова. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 62–65.
- Винокуров Н.И.* Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М.: Агентство ВРК, 1998. 152 с.
- Винокуров Н.И.* Практика человеческих жертвоприношений в античное и средневековое время (по материалам раскопок ритуальных захоронений в Крымском Приазовье) // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. М., 2004а. Вып. 3. С. 55–87.
- Винокуров Н.И.* Исследование юго-западной части городища Артезиан // V Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2004б. С. 59–70.
- Винокуров Н.И.* Гибель ранней «Цитадели» городища Артезиан // VI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизации, катастроф: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2005. С. 50–60.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

- Винокуров Н.И.* Исследование некрополя городища Артезиан в 2000 г. // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия, Скифия, Боспор / под ред. А.А. Масленникова, Н.А. Гаврилюк. Запорожье: Дикое поле, 2007. С. 351–401.
- Винокуров Н.И.* Погребальные комплексы античного и средневекового времени: разрыв традиции или преемственность (на примере городища и некрополя Артезиан) // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2011а. С. 55–67.
- Винокуров Н.И.* Гидротехнические сооружения античного городища Артезиан в Крымском Приазовье // ДБ. 2011б. Т. 5. С. 45–72.
- Винокуров Н.И.* Хозяйственно-жилые кварталы городища Артезиан первой половины первого века н. э. // ДБ. 2012. Т. 16. С. 51–76.
- Винокуров Н.И.* Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье (материалы раскопок 1999–2007 гг.) / Боспорские исследования. Supplementum 12. К.: ТОВ «Оранта Арт Бук», 2014. 680 с.
- Винокуров Н.И.* Новые свидетельства палеосейсмической активности на Боспоре в первые века нашей эры (по материалам раскопок городища Артезиан) // XVI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Географическая среда и социум: материалы международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько, Е.А. Зинько. Керчь, 2015. С. 60–74.
- Винокуров Н.И., Сон Н.А.* Исследования Международной Российско-Украинской Артезианской археологической экспедиции в Крымском Приазовье // Археологічні дослідження в Україні – 2010 / под. ред. Д.Н. Козака. Київ; Полтава, 2011. С. 64–66.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Южный участок салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан (по материалам исследований на раскопе II) // ПИФК. 2015а. № 3 (49). С. 160–195.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкое поселение на античном городище Артезиан (Керченский полуостров) // LAUREA I. Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы / под ред. С.И. Посохова, С.Б. Сорочана. Харьков, 2015б. С. 18–22.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкие комплексы городища Артезиан (по материалам раскопок 1994–2010 гг.) // Таврические студии. Исторические науки. Симферополь, 2015в. № 7. С. 46–53.
- Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю.* Жилищные и хозяйственные комплексы салтово-маяцкого времени в центральной части городища Артезиан // ДБ. 2015г. Т. 19. С. 28–42.
- Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935–1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 15–134.
- Зинько В.Н.* Охранные археологические исследования на хоре Нимфея // Археологические исследования в Крыму. 1994 год: Сб. науч. статей / под. ред. В.А. Кутайсова. Симферополь: СОНАТ, 1997. С. 119–124.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-2 у пос. Эльтиген // БИ. 2005. Вып. X. С. 236–268.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ. 2007. Вып. XIII. С. 183–196.
- Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю.* Раннесредневековый горизонт поселения Героевка-6 на Керченском полуострове // Древности Юга России: память А. Г. Атавина / под ред. Г.Е. Афанасьева. М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2008. С. 420–440.
- Зубарев В.Г., Масленников А.А.* Историческая география Европейского Боспора по Клавдию Птолемию // СА. 1987. № 3. С. 40–52.
- Квитковский В.И.* Захоронение в круглой яме на селище Пятницкое-I // Салтово-маяцка археологічна культура: проблеми та дослідження. Харків, 2012. Вып. 2. С. 26–29.
- Ключников В.В.* Особенности строительно-хозяйственных комплексов городища Золотые Горки на Нижнем Дону // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок ...

- хазарское время. Сборник статей по материалам XII международной науч. конф. / под ред. В.В. Ключникова, А.Н. Коваленко, Ростов-на-Дону, 2009. С. 241–255.
- Ковыркин К.К., Санжаровец В.Ф.* Керченский полуостров. Географический словарь // Научный сборник Керченского заповедника. Симферополь, 2014. Вып. IV. С. 443–585.
- Колода В.В.* Работы на Мохначанском городище в 2000 г. // Археологічні відкриття в Україні 1999–2000 рр. / под ред. Д.Н. Козака, Н.О. Гаврилук. Киев, 2001. С. 129–131.
- Колода В.В.* Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследований городища Мохнач) // Хазарский альманах. Харьков, 2005. Т. 4. С. 216–233.
- Колода В.В., Горбаненко С.А.* Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. К.: Институт археологии АН Украины, 2010. 216 с.
- Колода В.В.* К вопросу о погребениях на поселениях (на примере богатого женского захоронения на городище Мохнач) // Древности, 2011: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2011. Вып. 10. С. 261–272.
- Колода В.В.* Жилище с парным захоронением на городище Мохнач // Хазарский альманах. Киев; Харьков, 2012–2013. Т. 11. С. 106–115.
- Красильникова Л.И.* Конструктивные признаки жилых построек и их типология на поселениях Степного Среднедонечья VIII – нач. X в. // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк, 2001. Т. 2. Хазарское время. С. 323–332.
- Крижевская Л.Я.* Погребения животных как форма проявления первобытных верований // Конференция «Реконструкция древних верований: источники, метод, цель». Тез. докл. Л., 1990. С. 44–46.
- Майко В.В.* Средневековое городище на плато Тепсень в Юго-Восточном Крыму. Киев: «Академперіодика», 2004. 316 с.
- Майко В.В.* Археологические материалы для реконструкции посада раннесредневековой Сугдеи // Древности, 2009: Харьковский историко-археологический ежегодник. Харьков, 2009. Вып. 8. С. 259–268.
- Майко В.В.* Юго-Восточный Крым VIII–XI вв. Два примера провинциально-византийской культуры // Византия в контексте мировой культуры. Материалы конф., посвящ. памяти Алисы Владимировны Банк – 1906–1984 гг. / ТГЭ. 2010. Т. LI. С. 428–437.
- Марти Ю.Ю.* Разведочные работы вне городских стен Тиритаки // Археологические памятники Боспора и Херсонеса / МИА. 1941. № 4. С. 25–36.
- Михеев В.К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков: «Вища школа», 1985. 148 с.
- Могаричев Ю.М.* О некоторых вопросах истории Крыма середины – второй половины VIII в. // ХСБ. 2004. Вып. XIII. С. 163–180.
- Науменко В.Е.* Высокогорные кувшины с широкими плоскими ручками // Зинько В.Н., Пономарев Л.Ю. Тиритака. Раскоп XXVI. Том I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum 5. Киев: АДФ-Україна, 2009а. С. 50–57.
- Науменко В.Е.* Амфоры // В. Н. Зинько, Л. Ю. Пономарев Тиритака. Раскоп XXVI. Том. I. Археологические комплексы VIII–X вв. / Боспорские исследования. Supplementum. 5. Киев: АДФ-Україна, 2009б. С. 35–50.
- Плетнева С.А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.: Наука, 1989. 288 с.
- Плетнева С.А.* Саркел и «шелковый» путь. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. 168 с.
- Плетнева С.А.* Экологичные привычки жителей Хазарского каганата // Природа. М., 2004. № 9 (1069). С. 64–68.
- Плетнева С.А., Красильников К.И.* Гончарные мастерские Маяцкого комплекса // Маяцкий археологический комплекс. Материалы Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции / под ред. С.А. Плетневой. М.: Институт археологии АН СССР, 1990. С. 92–139.
- Пономарев Л.Ю.* Биритуальный салтово-маяцкий могильник у поселка Эльтиген // БИ. 2004. Вып. V. С. 445–475.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

- Пономарев Л.Ю. Салтово-маяцкий плитово-грунтовый могильник поселения Героевка-2 (как один из примеров взаимодействия культур и религий на окраинах византийского мира) // XII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Взаимовлияния культур: материал международной научной конференции / Ред.-сост. В.Н. Зинько. Керчь, 2011. С. 287–295.
- Пономарев Л.Ю. О разведках и раскопках Д. Л. Талиса на Керченском полуострове в 1960 г. // БИ. 2012а. Вып. XXVI. С. 479–511.
- Пономарев Л.Ю. К эволюции и хронологии жилищ салтово-маяцких поселений Керченского полуострова (юртообразные постройки и полужемлянки) // Дриновський збірник. Харків; Софія, 2012б. Вып. V. С. 65–78.
- Пономарев Л.Ю. Жилища Восточного Крыма эпохи Хазарского каганата (по материалам раскопок салтово-маяцких поселений Керченского полуострова) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2012в. Вып. V. С. 186–209.
- Пономарев Л.Ю. Двухкамерные жилища (дома-пястистенки) салтово-маяцких поселений Керченского полуострова // 'Ρωμαίος: сборник статей к 60-летию проф. С. Б. Сорочана / Нартекс. Byzantine Ukrainensis. Харьков, 2013. Т. 2. С. 440–461.
- Пономарев Л.Ю., Пономарева И.А. Редкие формы салтово-маяцкой нелощеной керамики из раннесредневековых поселений Керченского полуострова (предварительная информация) // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2010. Вып. IV. С. 453–464.
- Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Изд. 2-е. М.: Наука, 1994. 608 с.
- Сазанов А.В. Хронология слов средневековой Керчи // ПИФК. 1998. Вып. V. С. 50–88.
- Флеров В.С. Поселение VIII–IX вв. у ст. Богоявленской // СА. 1971. № 2. С. 258–265.
- Флеров В.С. Общинное хранилище (к проблеме социальных взаимоотношений в Хазарском каганате) // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н. э. Тез. докл. науч. конф. М., 1995. С. 88–91.
- Чибиrow Л.А. Аграрные истоки культа животных у осетин // СЭ. 1983. № 1. С. 94–102.
- Чхаидзе В.Н. Высокогорные кувшины с плоскими ручками из раскопок Фанагории и их распространение в Причерноморье // Древности Юга России: памяти А. Г. Атавина / под ред. Г.Е. Афанасьева. М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2008. С. 398–419.

REFERENCES

- Aibabin A.I. *Eticheskaja istorija rannevizantijskogo Kryma*. Simferopol': DAR Publ., 1999, 352 p.
- Albegova Z.Kh., Gusakov M.G. Kul'tovoe naznachenie postroiki 21 Maiatskogo selishcha. *N.V. Malinovskaja (Ed.). Praktika i teoriia arheologicheskikh issledovanii. Trudy otdela okhrannykh raskopok IA RAN*. М.: Institut arheologii RAN Press., 2001, pp. 122–131.
- Artamonova O.A. Mogil'nik Sarkela – Beloi Vezhi. *Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR*, 1963, № 109 (Trudy Volgo-Donskoi arheologicheskoi ekspeditsii, vol. III), pp. 9–215.
- Vinnikov A.Z., Afanas'ev G.E. *Kul'tovye komplekсы Maiatskogo selishcha* (Materialy raskopok Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoi ekspeditsii). Voronezh: Voronezhskii universitet Press., 1991, 192 p.
- Baranov I.A. Nekotorye itogi izucheniia tiurko-bolgarskikh pamiatnikov Kryma. *Pliska-Preslav. Prabh'garskata kultura. Materiali ot b'lgaro-s'vetskata sreshcha*. Shumen, 1976. Sofiia, 1981, vol. 2, pp. 57–71.
- Baranov I.A. *Tavrika v epokhu rannege srednevekov'ia (saltovo-maiatskaia kul'tura)*. Kiev: Naukova dumka, 1990, 168 p.
- Belinskii I.V., Kulakov A.A. Srednevekovyi sloi poseleniia Oktiabr'skoe I V.V. *Kliuchnikov, A.A. Kulakov (Ed.). Khazarskie drevnosti: sb. nauchnykh statei*. Aksai: Aksaiskii voenno-istoricheskii muzei, 2013, p. 140–162.
- Vinnikov A.Z., Pletneva S.A. *Na severnykh rubezhakh Khazarskogo kaganata. Maiatskoe poselenie*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet Press., 1998, 216 p.
- Vinnikov A.Z., Kovalevskii V.N. Mogil'nik saltovo-maiatskoi kul'tury u s. Tikhii Don v Voronezhskoi oblasti. *Khazarskii al'manakh*. Kiev; Khar'kov, 2007, vol. 6, pp. 51–64.

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок ...

- Vinokurov N.I. Raboty v Leninskom raione V.A. Kutaisov (Ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god: Sb. nauch. st.* Simferopol': SONAT Publ., 1997, pp. 62–65.
- Vinokurov N.I. *Arkheologicheskie pamiatniki urochishcha Artezian v Krymskom Priazov'e.* Moscow: Agentstvo VRK Publ., 1998, 152 p.
- Vinokurov N.I. Praktika chelovecheskikh zhtvoprinoshenii v antichnoe i srednevekovoe vremia (po materialam raskopok ritual'nykh zakhoronenii v Krymskom Priazov'e). *OPUS: mezhdistsiplinarnye issledovaniia v arkheologii.* Moscow, 2004, vol. 3, pp. 55–87.
- Vinokurov N.I. Issledovanie iugo-zapadnoi chasti gorodishcha Artezian. «V Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Etnicheskie protsessy». Kerch', 2004, pp. 59–70.
- Vinokurov N.I. Gibel' rannei «Tsitadeli» gorodishcha Artezian. «VI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Periody destabilizatsii, katastrof». Kerch', 2005, pp. 50–60.
- Vinokurov N.I. Issledovanie nekropolia gorodishcha Artezian v 2000 g. A.A. Maslennikov, N.A. Gavriiliuk (Ed.). *Antichnyi mir i varvary na iuge Rossii i Ukrainy: Ol'viia, Skifiia, Bospor.* Zaporozh'e: Dikoe pole. Publ., 2007, pp. 351–401.
- Vinokurov N.I. Pogrebal'nye komplekсы antichnogo i srednevekovogo vremeni: razryv traditsii ili preemstvennost' (na primere gorodishcha i nekropolia Artezian) // «XII Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Vzaimovlianiia kul'tur». Kerch', 2011, pp. 55–67.
- Vinokurov N.I. Gidrotekhnicheskie sooruzheniia antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e. *Drevnosti Bospora*, vol. 5, pp. 45–72.
- Vinokurov N.I. Khoziaistvenno-zhilye kvartaly gorodishcha Artezian pervoi poloviny pervogo veka n. e. *Drevnosti Bospora*, 2012, vol. 16, pp. 51–76.
- Vinokurov N.I. *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e (materialy raskopok 1999–2007 gg.)*. Bosporskie issledovaniia. Supplementum 12. Kiev: TOV «Oranta Art Buk». Publ., 2014, 680 p.
- Vinokurov N.I. Novye svidel'stva paleoseismicheskoi aktivnosti na Bospore v pervye veka nashei ery (po materialam raskopok gorodishcha Artezian). «XVI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Geograficheskaiia sreda i sotsium». Kerch', 2015, pp. 60–74.
- Vinokurov N.I., Son N.A. Issledovaniia Mezhdunarodnoi Rossiisko-Ukrainskoi Artezianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii v Krymskom Priazov'e. D.N. Kozak (Ed). *Arkheologichni doslidzhennia v Ukraini – 2010.* Kiiv; Poltava, 2011, pp. 64–66.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.Iu. Iuzhnyi uchastok saltovo-maiatskogo poseleniia na gorodishche Artezian (po materialam issledovaniia na raskope II). *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2015, № 3 (49), pp. 160–195.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskoe poselenie na antichnom gorodishche Artezian (Kerchenskii poluostrov). S.I. Posokhov, S.B. Sorochan (Ed.). *LAUREA I. Chteniia pamiati professora Vladimira Ivanovicha Kadeeva.* Materialy. Khar'kov, 2015, pp. 18–22.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskie komplekсы gorodishcha Artezian (po materialam raskopok 1994–2010 gg.). *Tavrisheskie studii. Istoricheskie nauki.* Simferopol', 2015, № 7, pp. 46–53.
- Vinokurov N.I., Ponomarev L.Iu. Zhilishchnye i khoziaistvennye komplekсы saltovo-maiatskogo vremeni v tsentral'noi chasti gorodishcha Artezian. *Drevnosti Bospora*, 2015, vol. 19, pp. 28–42.
- Gaidukevich V.F. Raskopki Tiritaki v 1935–1940 gg. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1952, № 25, pp. 15–134.
- Zin'ko V.N. Okhrannye arkheologicheskie issledovaniia na khore Nimfeia. V.A. Kutaisov (Ed.). *Arkheologicheskie issledovaniia v Krymu. 1994 god: Sb. nauch. statei.* Simferopol': SONAT. Publ., 1997, pp. 119–124.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Rannesrednevekovyi gorizont poseleniia Geroevka-2 u pos. El'tigen. *Bosporskie issledovaniia*, 2005, vol. X, pp. 236–268.

Боспорские исследования, вып. XXXIII

- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskie komplekсы poseleniia Osoviny-I. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2007, vol. XIII, pp. 183–196.
- Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Rannesrednevekovyi gorizont poseleniia Geroevka-6 na Kerchenskom poluostrove. *G.E. Afanas'ev (Ed.). Drevnosti Iuga Rossii: pamiati A. G. Atavina*. Moscow: Institut arkheologii RAN Press., TAUS. Publ., 2008, pp. 420–440.
- Zubarev V.G., Maslennikov A.A. Istoricheskaia geografiia Evropeiskogo Bospora po Klavdiiu Ptolemeiu. *Sovetskaia arkheologiia*, 1987, № 3, pp. 40–52.
- Kvitkovskii V.I. Zakhronenie v krugloi iame na selishche Piatnitskoe-I. *Saltovo-maiats'ka arkheologichna kul'tura: problemi ta doslidzhennia*. Kharkiv, 2012, vol. 2, pp. 26–29.
- Kliuchnikov V.V. Osobennosti stroitel'no-khoziaistvennykh kompleksov gorodishcha Zolotyie Gorki na Nizhnem Donu. *V.V. Kliuchnikova, A.N. Kovalenko (Ed.). Mezhdunarodnye otosheniia v basseine Chernogo moria v skifo-antichnoe i khazarskoe vremia. Sbornik statei po materialam XII mezhdunarodnoi nauch. konf.* Rostov-na-Donu, 2009, pp. 241–255.
- Kovyrkin K.K., Sanzharovets V.F. Kerchenskii poluostrov. Geograficheskii slovar'. *Nauchnyi sbornik Kerchenskogo zapovednika*. Simferopol', 2014, vol. IV, pp. 443–585.
- Koloda V.V. Raboty na Mokhnachanskom gorodishche v 2000 g. *D.N. Kozak, N.O. Gavriiliuk (Ed.). Arkheologichni vidkrittia v Ukraini 1999–2000 rr.* Kiev, 2001, pp. 129–131.
- Koloda V.V. Novye materialy k probleme osedeniia srednevekovykh kochevnikov: kriterii vydeleniia i podkhody k resheniiu (na primere issledovaniu gorodishcha Mokhnach). *Khazarskii al'manakh*. Khar'kov, 2005, vol. 4, pp. 216–233.
- Koloda V.V., Gorbanenko S.A. *Sel'skoe khoziaistvo nositelei saltovskoi kul'tury v lesostepnoi zone*. Kiev: Institut arkheologii AN Ukrainy Press., 2010, 216 p.
- Koloda V.V. K voprosu o pogrebeniakh na poseleniakh (na primere bogatogo zhenskogo zakhroneniia na gorodishche Mokhnach). *Drevnosti, 2011: Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*. Khar'kov, 2011, vol. 10, pp. 261–272.
- Koloda V.V. Zhilishche s parnym zakhroneniem na gorodishche Mokhnach. *Khazarskii al'manakh*. Kiev; Khar'kov, 2012–2013, vol. 11, pp. 106–115.
- Krasil'nikova L.I. Konstruktivnye priznaki zhilykh postroek i ikh tipologiia na poseleniakh Stepnogo Srednedonech'ia VIII – nach. Kh v. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ia*. Donetsk, 2001, vol. 2. Khazarskoe vremia, pp. 323–332.
- Krizhevskaia L.Ia. Pogrebeniia zhivotnykh kak forma proiavlenniia pervobytnykh verovaniu. *Konferentsiia «Rekonstruktsiia drevnikh verovaniu: istochniki, metod, tsel'»*. Tez. dokl. Leningrad, 1990, pp. 44–46.
- Maiko V.V. *Srednevekovoe gorodishche na plato Tepsen' v iugo-vostochnom Krymu*. Kiev: «Akadempriodika» Publ., 2004, 316 p.
- Maiko V.V. Arkheologicheskie materialy dlia rekonstruktsii posada rannesrednevekovoi Sugdei. *Drevnosti, 2009: Khar'kovskii istoriko-arkheologicheskii ezhegodnik*. Khar'kov, 2009, vol. 8, pp. 259–268.
- Maiko V.V. Iugo-Vostochnyi Krym VIII–XI vv. Dva primera provintsial'no-vizantiiskoi kul'tury. *Vizantiia v kontekste mirovoi kul'tury. Materialy konf., posviashch. Pamiati Alisy Vladimirovny Bank – 1906–1984 gg. Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha*, 2010, vol. LI, pp. 428–437.
- Marti Iu.Iu. Razvedochnye raboty vne gorodskikh sten Tiritaki. *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR*, 1941, № 4, pp. 25–36.
- Mikheev V.K. *Podon'e v sostave Khazarskogo kaganata*. Khar'kov: «Vishcha shkola» Publ., 1985, 148 p.
- Mogarichev Iu.M. O nekotorykh voprosakh istorii Kryma serediny – vtoroi poloviny VIII v. *Khersonesskii sbornik*, 2004, vol. XIII, pp. 163–180.
- Naumenko V.E. Vysokogorlye kuvshiny s shirokimi ploskimi ruchkami. *Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniia. Supplementum 5*. Kiev: ADEF-Ukraina Publ., 2009, pp. 50–57.
- Naumenko V.E. Amfory. *Zin'ko V.N., Ponomarev L.Iu. Tiritaka. Raskop XXVI. Tom. I. Arkheologicheskie komplekсы VIII–X vv. Bosporskie issledovaniia. Supplementum. 5*. Kiev: ADEF-Ukraina Publ., 2009, pp. 35–50.

Винокуров Н.И., Пономарев Л.Ю. Центральный участок ...

- Pletneva S.A. *Na slaviano-khazarskom pogranich'e. Dmitrievskii arkhеologicheskii kompleks*. Moscow, Nauka Publ., 1989, 288 p.
- Pletneva S.A. *Sarkel i «shelkovyi» put'*. Voronezh: Voronezhskii gosudarstvennyi universitet Press., 1996, 168 p.
- Pletneva S.A. Ekologichnye privychki zhitelei Khazarskogo kaganata. *Priroda*. Moscow, 2004, № 9 (1069), pp. 64–68.
- Pletneva S.A., Krasil'nikov K.I. Goncharnye masterskie Maiatskogo kompleksa. S.A. Pletneva (Ed). *Maiatskii arkhеologicheskii kompleks. Materialy Sovetsko-Bolgaro-Vengerskoi ekspeditsii*. Moscow: Institut arkhеologii AN SSSR Press., 1990, pp. 92–139.
- Ponomarev L.Iu. Biritual'nyi saltovo-maiatskii mogil'nik u poselka El'tigen. *Bosporskie issledovaniia*, 2004, vol. V, pp. 445–475.
- Ponomarev L.Iu. Saltovo-maiatskii plitovo-gruntovyi mogil'nik poseleniia Geroevka-2 (kak odin iz primerov vzaimodeistviia kul'tur i religii na okrainakh vizantiiskogo mira). «XII Bosporskie chteniia. Bosporskie Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Vzaimovliianiia kul'tur». Kerch', 2011, pp. 287–295.
- Ponomarev L.Iu. O razvedkakh i raskopkakh D. L. Talisa na Kerchenskom poluostrove v 1960 g. *Bosporskie issledovaniia*, 2012, vol. XXVI, pp. 479–511.
- Ponomarev L.Iu. K evoliutsii i khronologii zhilishch saltovo-maiatskikh poselenii Kerchenskogo poluostrova (iurtoobraznye postroiки i poluzemlianki). *Drinovs'kii zbirnik*. Kharkiv; Sofiia, 2012, vol. V, pp. 65–78.
- Ponomarev L.Iu. Zhilishcha Vostochnogo Kryma epokhi Khazarskogo kaganata (po materialam raskopok saltovo-maiatskikh poselenii Kerchenskogo poluostrova). *Sugdeiskii sbornik*. Kiev; Sudak, 2012, vol. V, pp. 186–209.
- Ponomarev L.Iu. Dvukhkamernye zhilishcha (doma-piatistenki) saltovo-maiatskikh poselenii Kerchenskogo poluostrova. *Πομπαιός: sbornik statei k 60-letiiu prof. S. B. Sorochana. Narteks. Byzantine Ukrainensis*. Khar'kov, 2013, vol. 2, pp. 440–461.
- Ponomarev L.Iu., Ponomareva I.A. Redkie formy saltovo-maiatskoi neloshchenoi keramiki iz rannesrednevekovykh poselenii Kerchenskogo poluostrova (predvaritel'naia informatsiia). *Sugdeiskii sbornik*. Kiev; Sudak, 2010, vol. IV, pp. 453–464.
- Rybakov B.A. *Iazychestvo drevnikh slavian*. Izd. 2-e. Moscow: Nauka Publ., 1994, 608 p.
- Sazanov A.V. Khronologiia sloev srednevekovoi Kerchi. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 1998, vol. V, pp. 50–88.
- Flerov V.S. Poselenie VIII–IX vv. u st. Bogoiavlenskoi. *Sovetskaia arkhеologiiia*, 1971, № 2, pp. 258–265.
- Flerov V.S. Obschinnoe khranilishche (k probleme sotsial'nykh vzaimootnoshenii v khazarskom kaganate). *Kul'tury stepei Evrazii vtoroi poloviny I tys. n. e. Tez. dokl. nauch. konf.* Moscow, 1995, pp. 88–91.
- Chibirov L.A. Agrarnye istoki kul'ta zhivotnykh u osetin. *Sovetskaia etnografiia*, 1983, № 1, pp. 94–102.
- Chkhaidze V.N. Vysokogorlye kuvshiny s ploskimi ruchkami iz raskopok Fanagorii i ikh rasprostranenie v Prichernomor'e. G.E. Afanas'ev (Ed.). *Drevnosti Iuga Rossii: pamiati A. G. Atavina*. Moscow: In-t arkhеologii RAN Press., TAUS Publ., 2008, pp. 398–419.

Резюме

В статье рассматриваются жилые, хозяйственные, культовые и погребальные комплексы, которые были исследованы на раскопе III в центральной части салтово-маяцкого поселения на городище Артезиан. В целом они датируются второй половиной VIII – первой половиной X вв. Некоторые из них удалось разделить на два хронологических периода. Рубежной датой для них условно принята середина IX в. Немногочисленные жилые и хозяйственные комплексы сконцентрированы в западной части исследованного участка. В центральной его части обнаружен обширный котлован, образовавшийся в результате добычи камня из античных

Боспорские исследования, вып. XXXIII

построек. В северо-восточной части раскопа зафиксированы культовые комплексы, представленные ритуальными захоронениями людей и животных. Таким образом, как и на других исследованных участках поселения, в пределах раскопа III не было прослежено плотной и регулярной застройки.

Ключевые слова: Керченский полуостров, Артезиан, салтово-маяцкое поселение

Summary

The article deals with residential, economic, religious and funerary complexes, which have been investigated on the excavation III in the central part of Saltovo-Maiak settlement on the fortified settlement Artezian. In general, they date from the second half of the VIII – the first half of the X centuries. Some of them managed to be divided into two chronological periods. A landmark date for them is conditionally accepted as the middle of the IX century. A few residential and economic complexes are concentrated in the western part of the investigated area. In the central part of a vast pit was discovered, which had been formed as a result of extraction of stone from ancient buildings. In the northeastern part of the excavation, religious complexes represented ritual burial of humans and animals have been documented. Thus, as in the other studied areas of the settlement, dense and regular construction areas within the excavation III have not been traced.

Key words: Kerch Peninsula, Artezian, Saltovo-Maiak settlement.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Винокуров Николай Игоревич – д.и.н., профессор,
Московский педагогический государственный университет (МПГУ),
зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков,
8(916) 541-57-74.
vinokurovn@list.ru

Пономарёв Леонид Юрьевич –
исследователь, археолог, Республика Крым.
l_ponomarev@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vinokurov Nikolai Igorevich. - DSc, Professor,
Moscow State Pedagogical University (MSPU),
Head of the Department of Ancient History and Middle Ages,
8 (916) 541-57-74.
vinokurovn@list.ru

Ponomarev Leonid Iur'evich,
researcher, archaeologist,
Republic of Crimea.
l_ponomarev@mail.ru

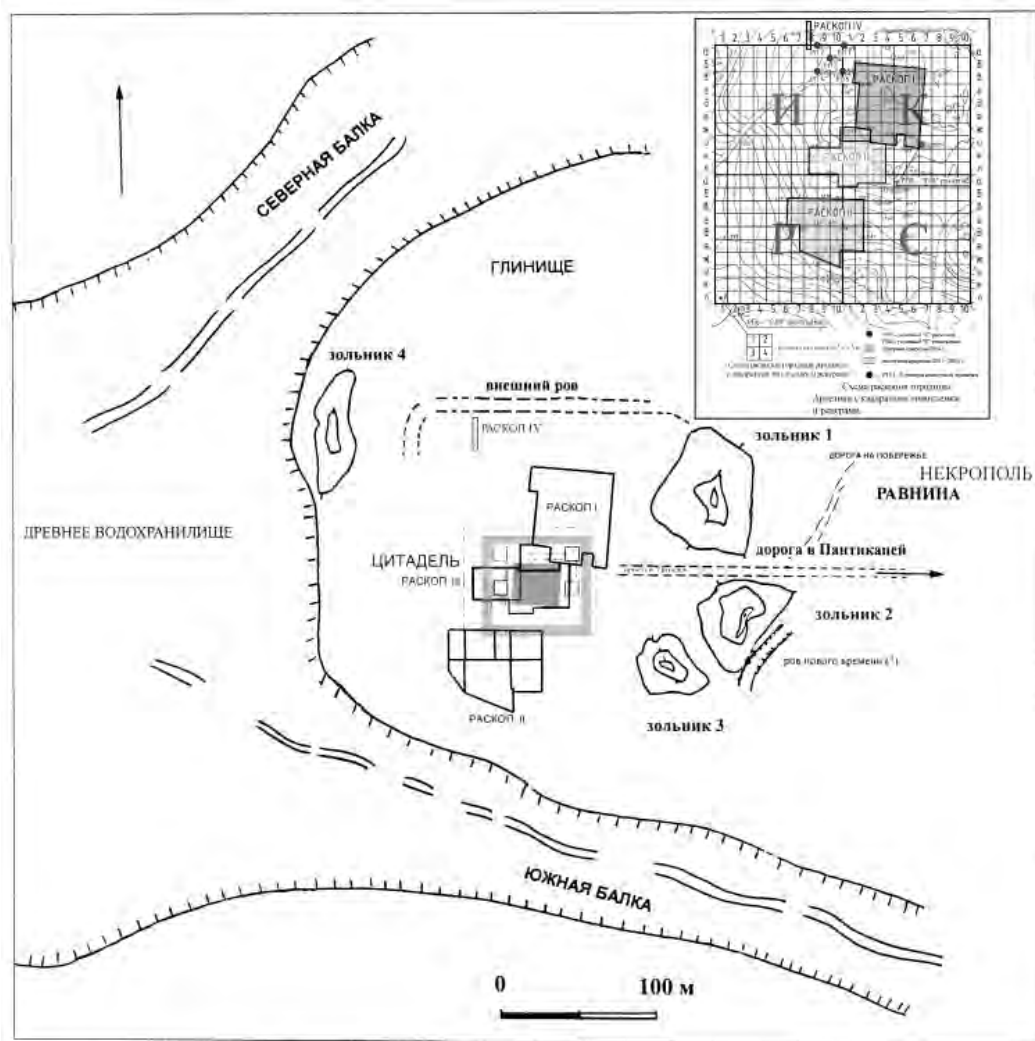

Рис. 1. План-схема городища Артезиан и схема расположения раскопов I–IV с сеткой квадратов топографической съемки.

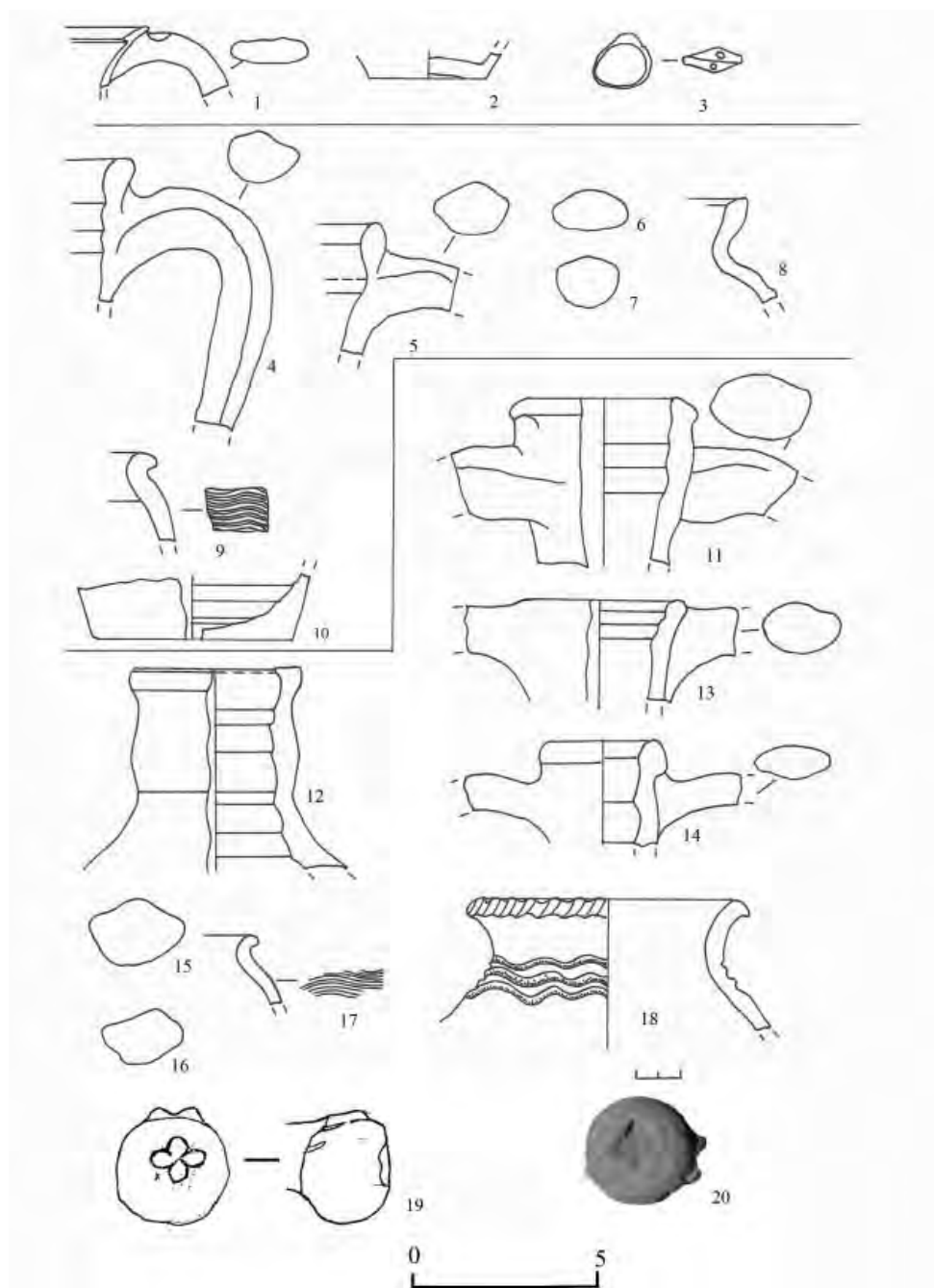

Рис. 2. Керамика и находки второй половины VIII– первой половины X вв.

1-3 – подъемный материал; 4-10 – керамика из гумусированного темно-коричневого суглинка; 11-20 – керамика из перекопов в слое разрушения и золистом слое заустения античного городища.

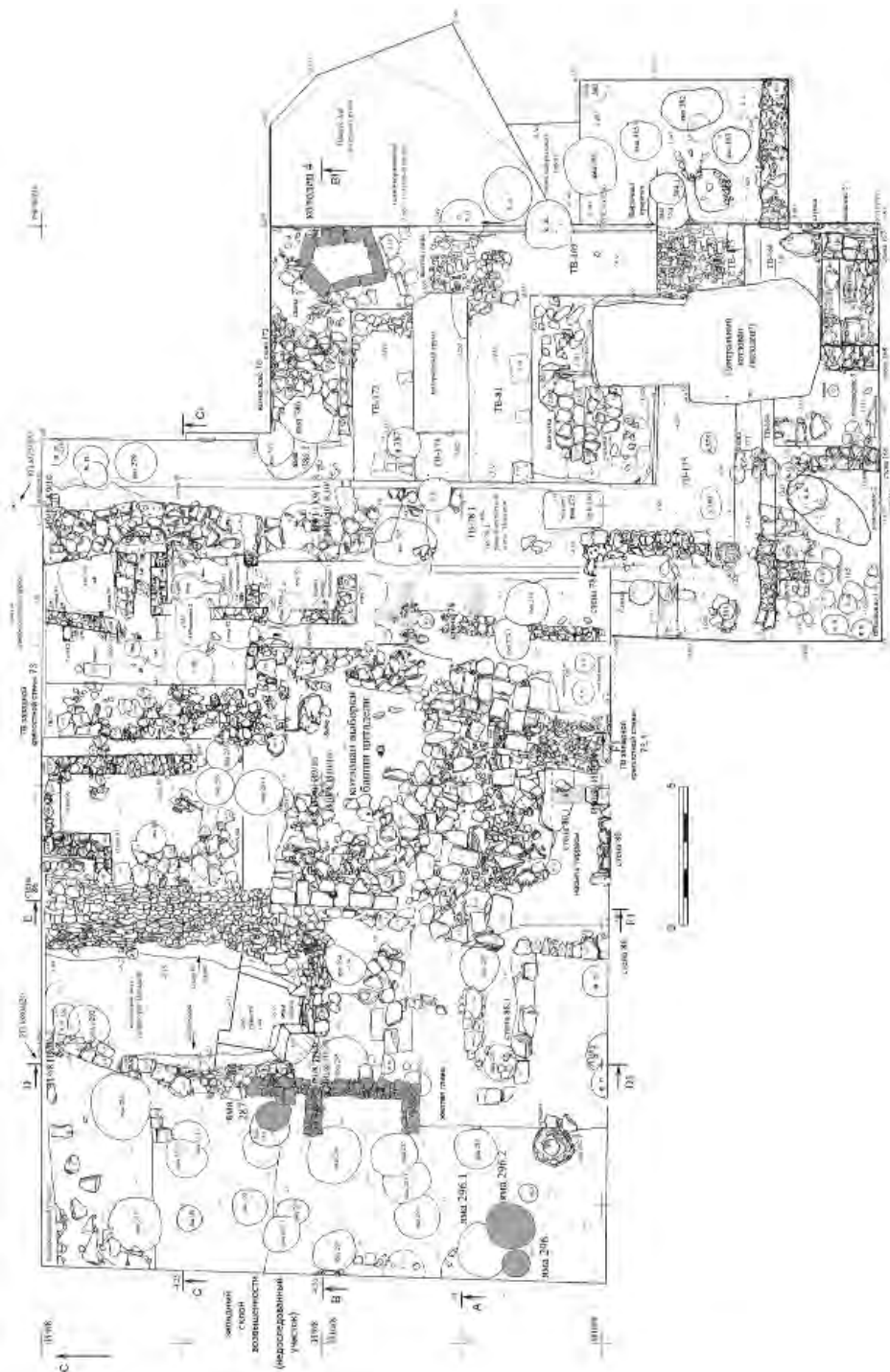

Рис. 3. План раскопа III (2008 г.) на уровне позднеантичных и салтово-маяцких комплексов.

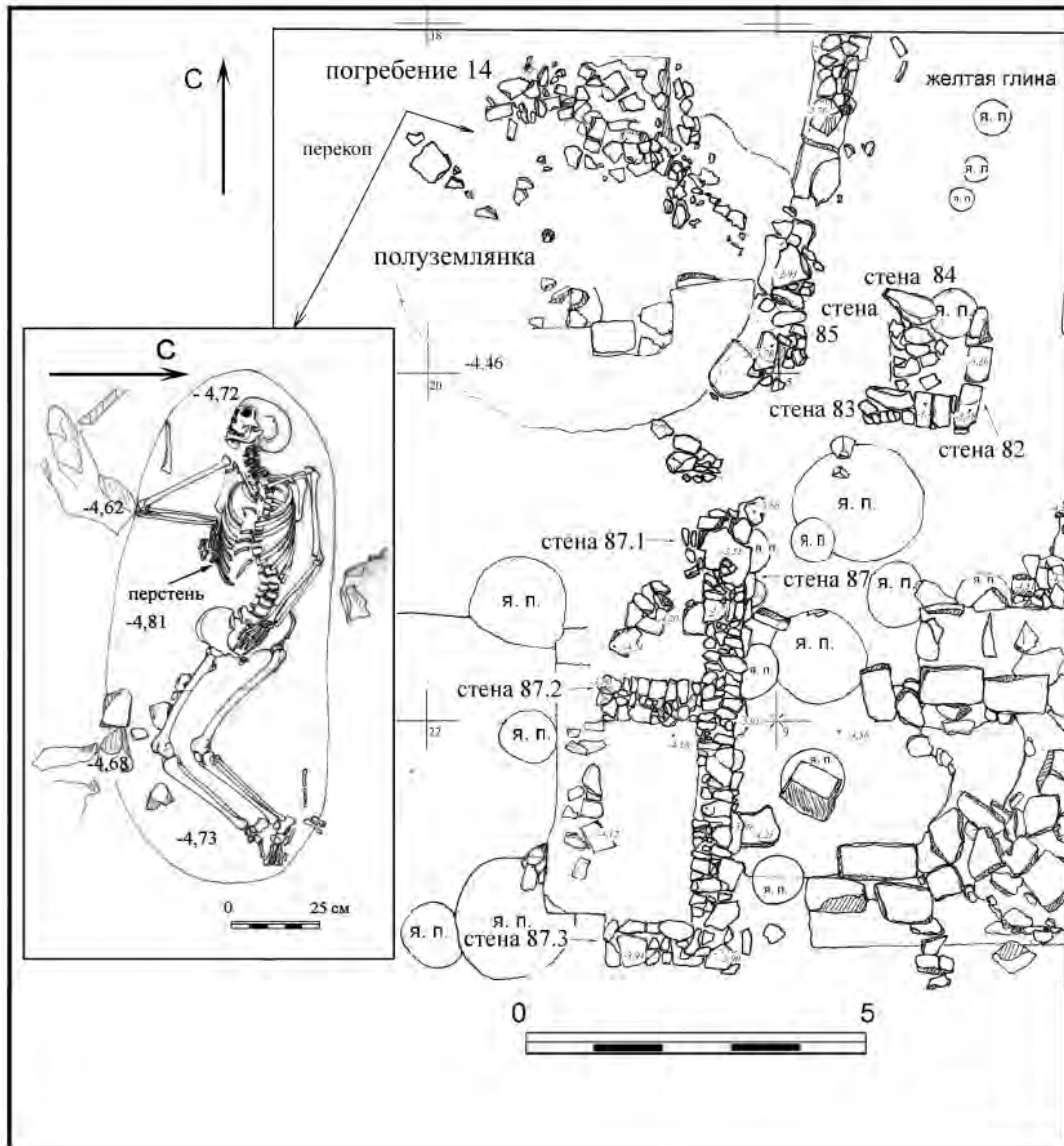

Рис. 4. План северо-западного участка раскопа III и план погребения 14.

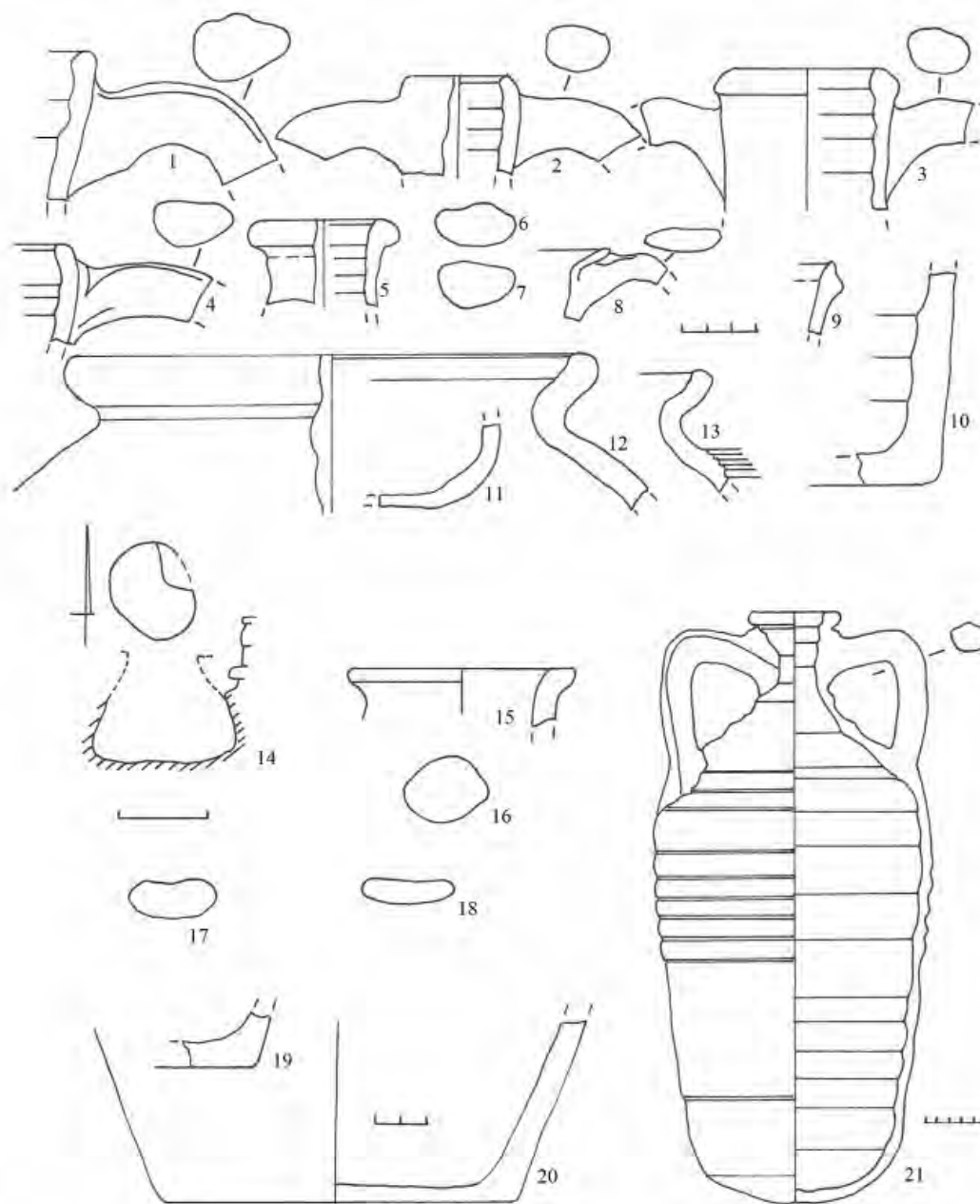

Рис. 5. Полуземлянка и хозяйственная яма 287.

1-13 – керамика из придонной части заполнения котлована полуземлянки; 14 – хозяйственная яма 287. План и разрез; 15-20 – керамика из заполнения хозяйственной ямы 287; 21 – причерноморская амфора из хозяйственной ямы 287.

1

2

3

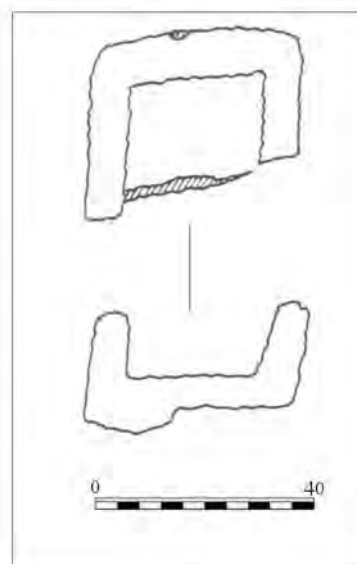
4

5

6

7

Рис. 6. Погребение 14.

1 – вид на погребение с северо-востока; 2-6 – погребальный инвентарь и находки из заполнения погребения.

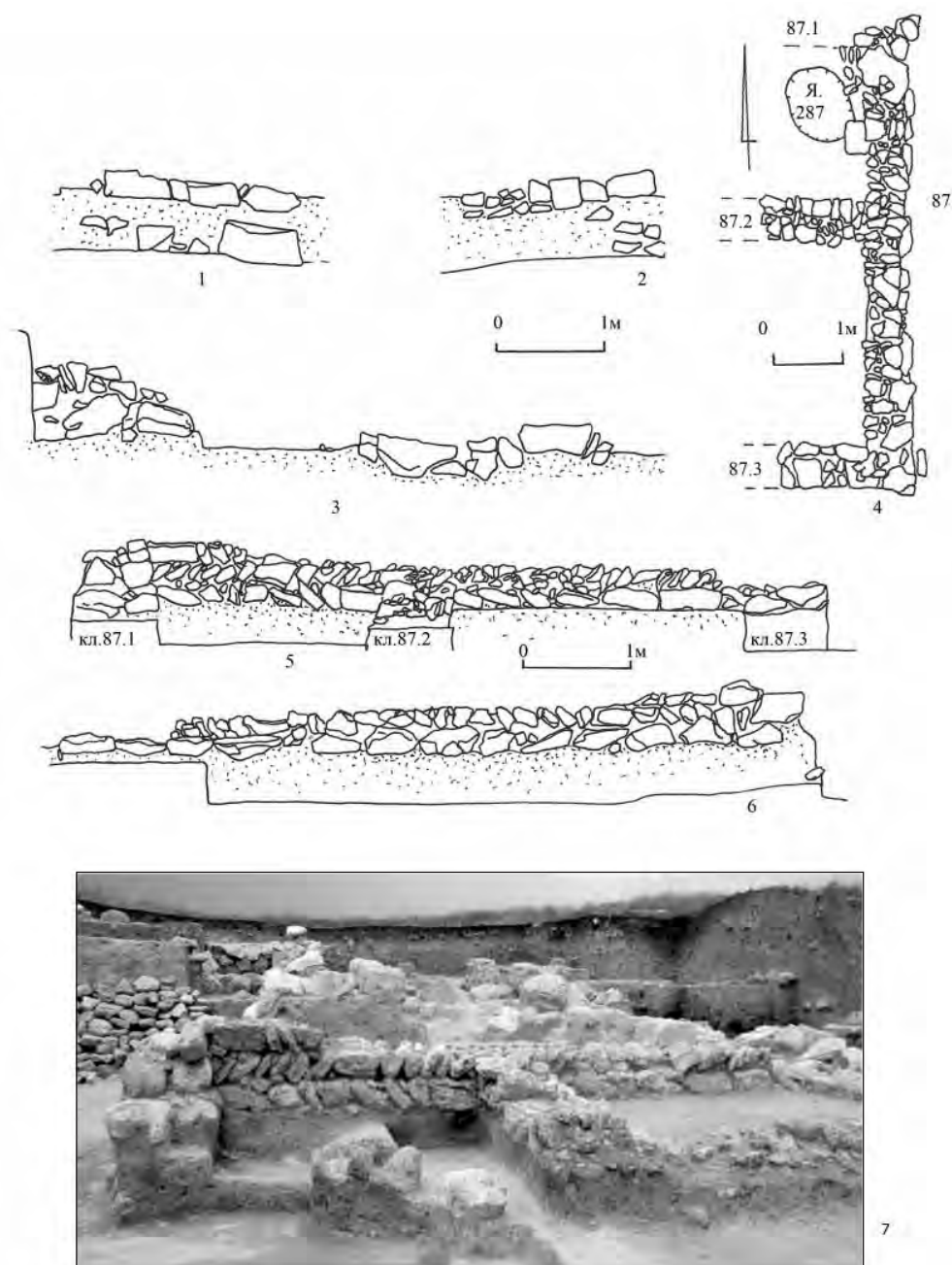

Рис. 7. Двухкамерная постройка и стены двух построек к северу от нее.

1 – профиль стены 82. Вид с юга; 2 – профиль стены 83. Вид с запада; 3 – профиль стены 85. Вид с востока;
 4 – двухкамерный дом. План; 5 – профиль стены 87. Вид с запада; 6 – профиль стены 87. Вид с востока;
 7 – вид на постройку с запада.

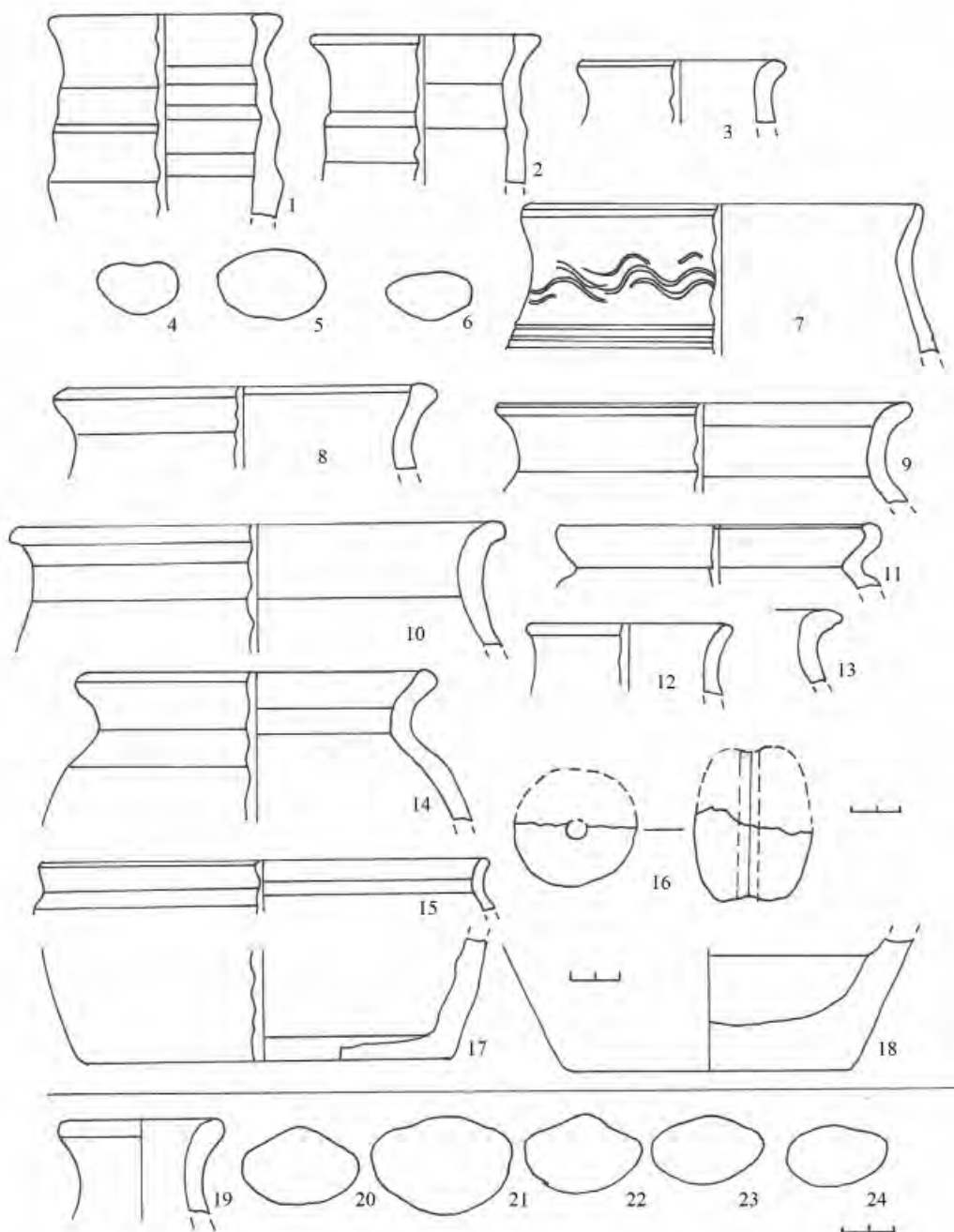

Рис. 8. Находки из хозяйственных ям и котлована перекопа.

1-18 – находки из заполнения хозяйственных ям 296 и 296.2; 19-24 – керамика из заполнения котлована перекопа на месте башни античной цитадели.

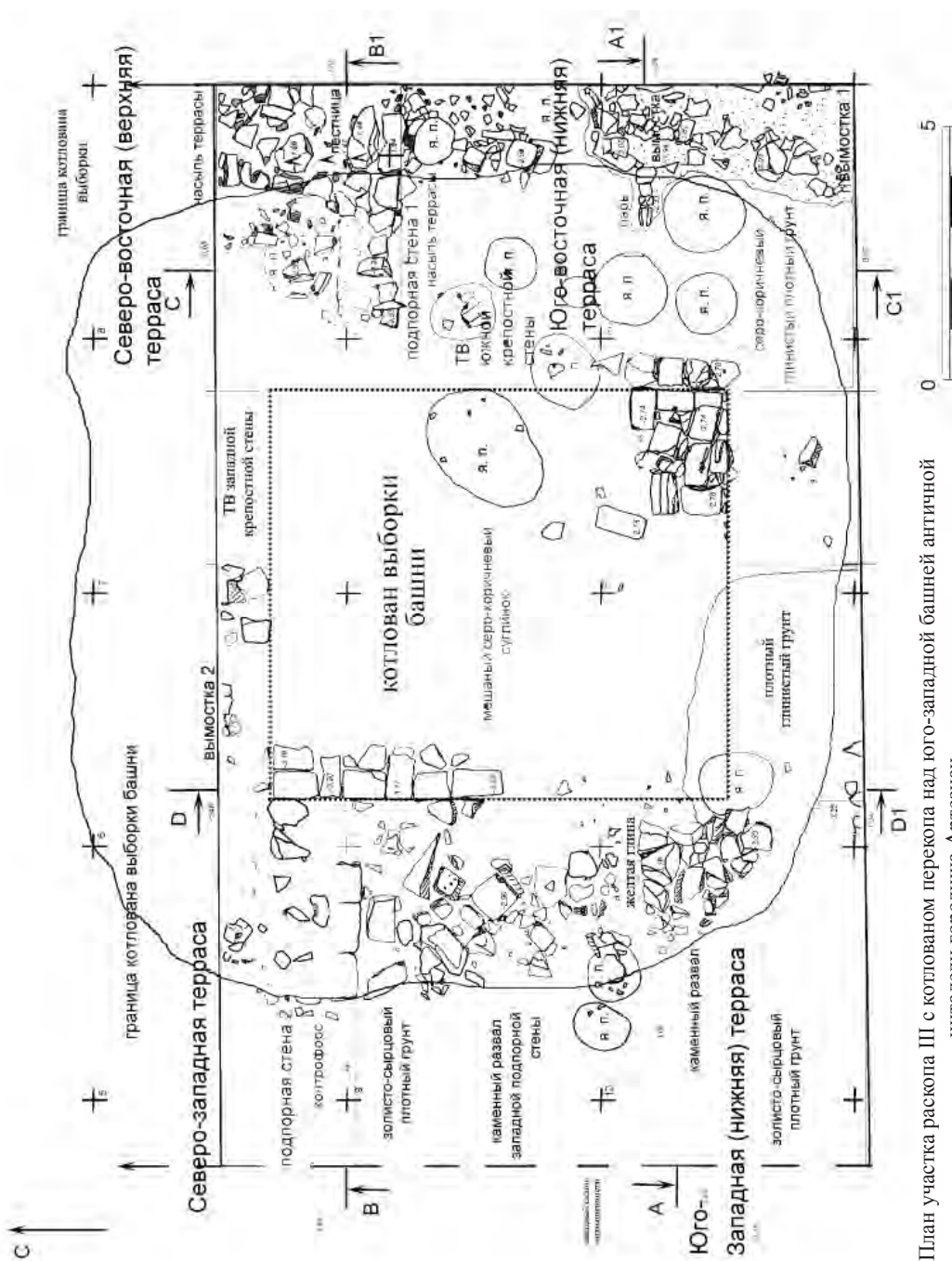

Рис. 9. План участка раскопа III с котлованом перекопа над того-западной башней античной цитадели городища Артезиан.

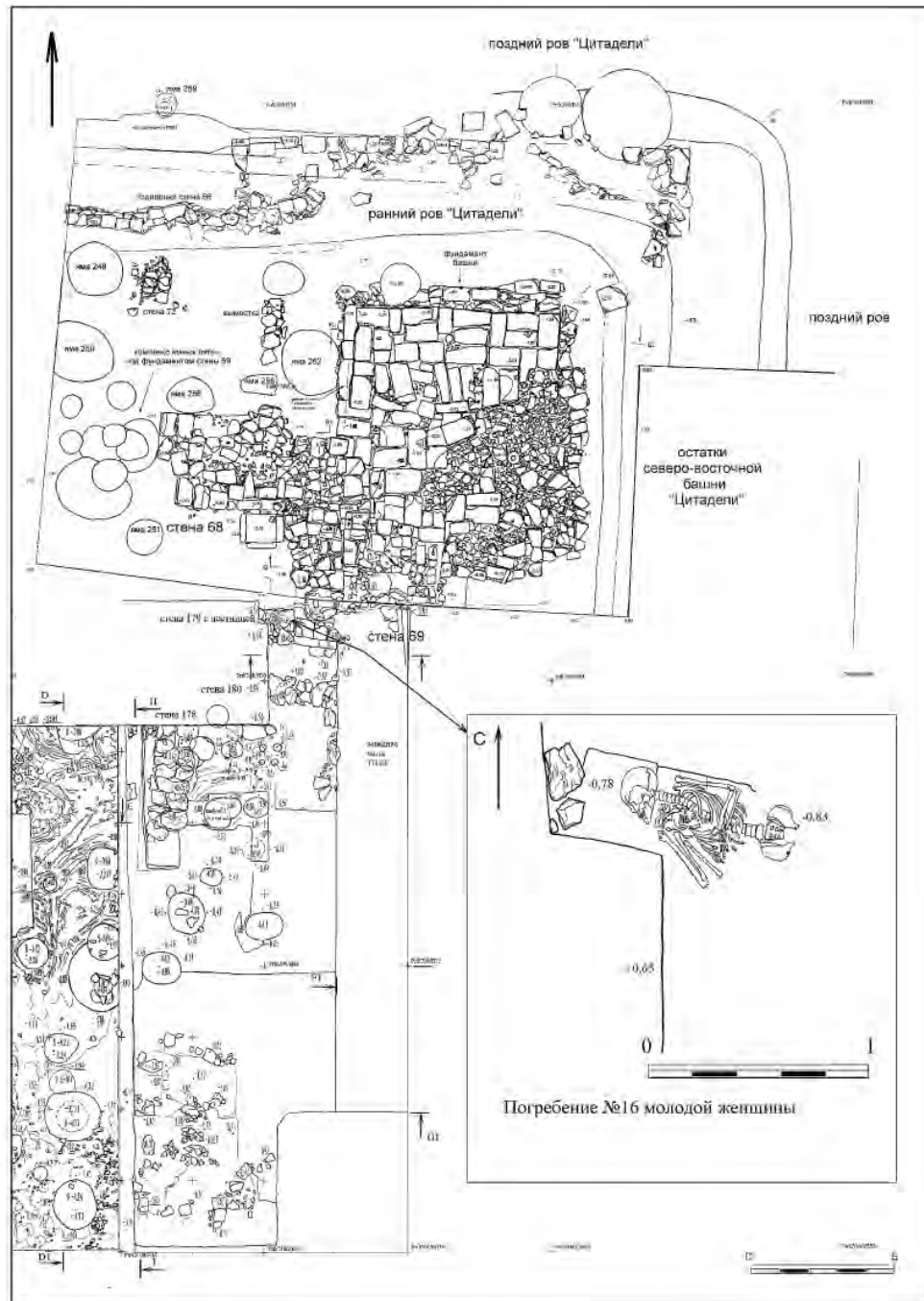

Рис. 10. Северо-восточный участок раскопа III и погребение 16.

1 – план северо-восточного участка раскопа III (восточная прирезка раскопа 2010 г.) и южный участок раскопа I;
2 – план погребения 16.

Рис. 11. Погребение 16.

1 – вид с юга; 2 – вид с юго-востока.

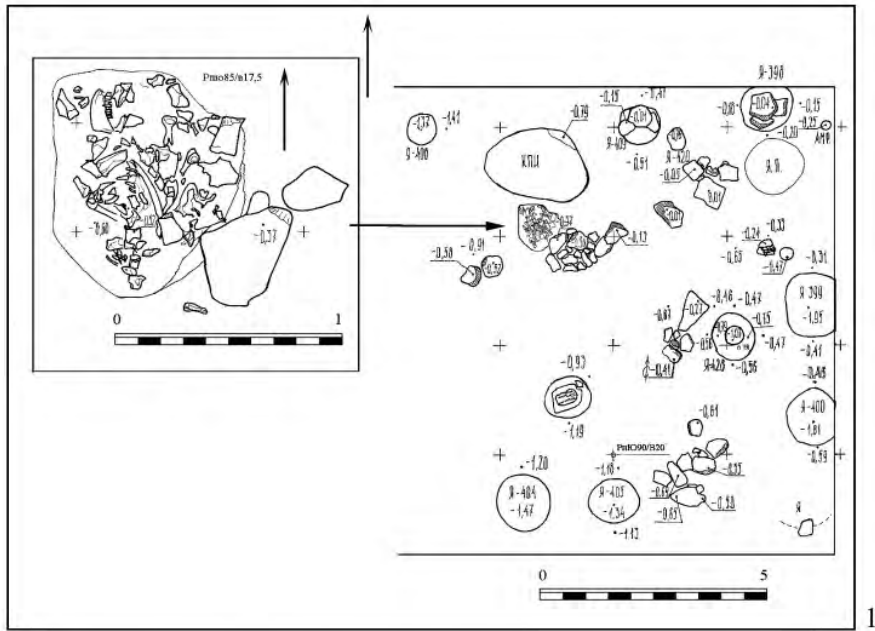

Рис. 12. Захоронение теленка (коровы) на северо-восточном участке раскопа III.

1 – план участка раскопа и ямы на уровне костей скелета теленка (коровы); 2– вид с востока на захоронение теленка (коровы).

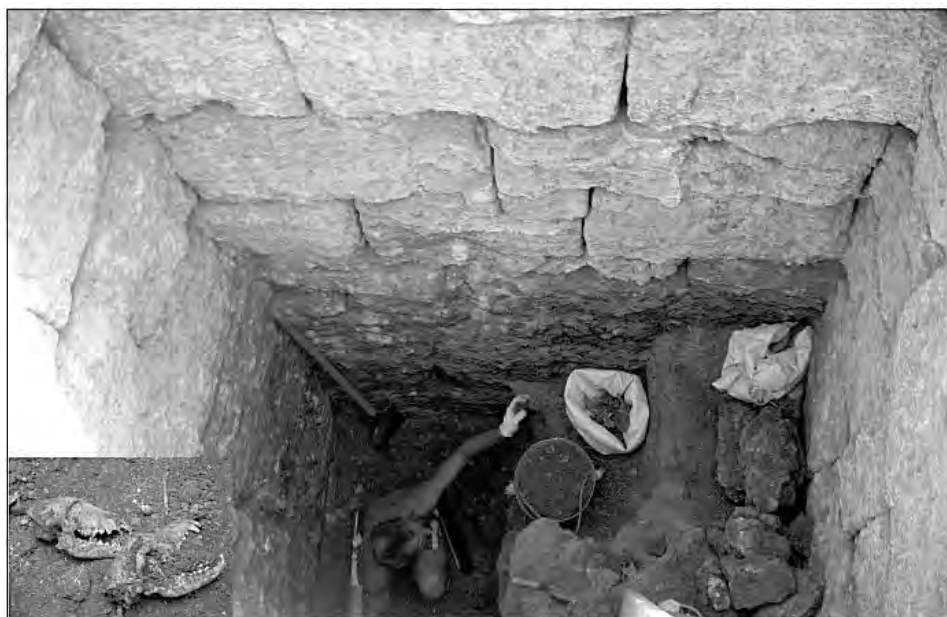

Рис. 13. Колодец 4 с захоронением людей и собак.

1 – вид с северо-запада на горловину колодца; 2 – шахта колодца в процессе расчистки (крупным планом показаны черепа двух собак).